

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ**
(НИУ «БелГУ»)

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ПРОКЛ ДИАДОХ (412-485 гг.) И АФИНСКАЯ ШКОЛА

Выпускная квалификационная работа
обучающейся по направлению подготовки 44.03.01
Педагогическое образование, профиль История
заочной формы обучения, группы 02031252
Смотриковой Татьяны Николаевны

Научный руководитель
кандидат педагогических наук,
доцент А.М. Болгова.

БЕЛГОРОД 2017

Оглавление

Введение	3
Глава I. Жизнь и сочинения Прокла	10
1.1. Основные вехи биографии философа и схоларха	10
1.2. Письменное наследие Прокла	18
Глава II. Философия Прокла – афинский неоплатонизм	39
2.1. Картина мира. Учение о Едином	39
2.2. Мифология и теургия	54
Глава III. Афинская школа при Прокле	57
3.1. Афинская школа как образовательная институция в V в.	57
3.2. «Дом Прокла» - здание Афинской школы	82
Заключение	88
Список источников и литературы	90
Приложения	96

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность данной темы определяется непреходящим вниманием к периоду Поздней античности как ко времени глубоких трансформаций классического мира и перестройке его в ранневизантийский. Личность Прокла Диадоха здесь чрезвычайно важна как одной из ключевых фигур данного процесса. Это крупнейший из позднеантичных философов и, вместе с тем, лидер важнейшей для этого времени Афинской философской школы - Академии, авторитет которой был создан еще Платоном.

Важно отметить как собственно интеллектуальную традицию античности, которая нашла в Прокле определенное завершение, так и его значение как руководителя школы – схоларха, так как именно школа стала важнейшим звеном культурного континуитета (преемственности) между античностью и средневековьем.

Наследие Прокла, корпус сохранившихся от него текстов¹, колоссален по объему и далеко не полностью введен в актуальный научный оборот в отечественной науке, особенно исторической.

Рассмотрение жизни, сочинений, идей и деятельности Прокла в контексте истории Афинской школы как образовательного учреждения составляет основную **цель** данного исследования.

Из цели проистекает ряд **задач**:

- проанализировать биографию Прокла Диадоха;
- классифицировать сочинения позднеантичного неоплатоника;
- рассмотреть основные проблемы философии Прокла – картину мира, учение о Едином, мифологию и теургию;
- рассмотреть особенности деятельности Афинской школы при Прокле;
- дать анализ структуры и назначения «Дома Прокла» - школьного здания позднеантичных Афин.

---

¹ См.: *Болгов Н.Н.* Античные письменные источники. Греция. Ч. 1. – Белгород, 1999.

Хронологические рамки работы опираются на концепцию Поздней античности (П. Браун, А. Камерон и др.), целиком включающей принятые в отечественной науке рамки истории Ранней Византии: IV-VI вв. Эта эпоха представляется многим специалистам ныне отдельной субцивилизацией, Постклассическим миром². Однако, учитывая более узкий контекст темы – жизнь Прокла – следует в рамках всей Поздней античности сделать акцент на V столетии – времени жизни Прокла Диадоха (412-485 гг.).

Территориально-географические рамки исследования охватывают преимущественно Афины, где проходила основная жизнедеятельность Прокла, но, также, отчасти, и Малая Азия, куда путешествовал, Константинополь, где он родился, Александрия, где учился будущий схолярх.

Предмет исследования – письменное наследие Прокла Диадоха – философа и схолярха.

Объект исследования – идеи и деятельность Прокла в Афинской школе.

Методология. Теория локальных цивилизаций предоставляет историку возможность изучения сложных систем, в качестве которых рассматриваются локальные цивилизации, в совокупности ее элементов, причем именно культура здесь считается основным критерием смены циклов. Методологические принципы теории локальных цивилизаций позволяют выдвинуть предположение о том, что христианизирующееся общество Поздней империи являлось особой культурной системой, важнейшим звеном которой была школа как носитель культурного континуитета.

---

²LateAntiquity. A GuidetothePostclassicalWorld / Ed. byG.W. Bowersock, P. Brown, O. Grabar. - CambridgeMass., 1999; *Ляпустина Е.В.* Поздняя античность - общество в изменении // Переходные эпохи в социальном изменении. История и современность. – М., 2002. – С. 31-46; *Ващева И.Ю.* Концепция Поздней античности в современной исторической науке // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2009. № 6 (1). - С. 220–231; *Селунская Н.А.* Late Antiquity: историческая концепция, историографическая традиция и семинар «Empires Unlimited» // ВДИ. 2005. № 1. - С. 249–253; *Болгов Н.Н., Литовченко Е.В., Смирницких Т.В.* Поздняя античность: специфика эпохи и новые подходы к изучению // Гуманитарная наука в современной России: состояние, проблемы, перспективы развития: материалы IX регион. науч.-практ. конф.: в 2 тт. – Белгород, 2007. – Т.1. – С. 47.

В работе также использован историко-культурологический подход, для которого характерно сосредоточение внимания на различных аспектах историко-культурного наследия Поздней античности.

Методы: историко-биографический, историко-генетический, сравнительно-исторический, метод контент-анализа.

Прежде всего, использовался историко-биографический метод в силу того, что работа целиком посвящена жизни и деятельности одной персоналии позднеантичной истории и культуры.

Историко-генетический метод использовался в процессе исследования рассматриваемых явлений позднеантичной культуры.

Сравнительно-исторический метод был необходим при сравнении и сопоставлении изучаемых явлений – Афинской школы и ее аналогов, философии Прокла и философских представлений его современников, и т.д.

Метод контент-анализа был важен при анализе содержания рассматриваемых в работе письменных источников.

Источники. Философские школы Поздней античности изучаются, прежде всего, по сочинениям их деятелей. Наиболее авторитетная при этом – Афинская школа – оставила огромное наследие ее схолархов – Плутарха Афинского, Сириана, Прокла, Марина, Дамаския, Симпликия, чьи сочинения дошли до нас с различной степенью сохранности.

Среди всех указанных сочинения Прокла занимают доминирующее место как по количеству, так и по важности высказанных идей. Поскольку сочинения Прокла рассматриваются в разделах основной части работы, то в источниковедческом разделе Введения их подробный анализ представляется излишним.

Кроме сочинений самого Прокла для реконструкции жизни и деятельности великого философа и схоларха следует отметить его биографию, написанную его учеником и преемником по школе – Марином.³ Несмотря на не-

---

³ Марин. Прокл, или О счастье // Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. – М., 1979. – С. 477-493.

которую тенденциозность этого сочинения, выражающуюся в апологетическом отношении автора к своему герою, Марин в целом не переходит грань историзма и может быть в полной мере использован как основной источник.

Определенную параллель по жанру и замыслу к сочинению Марина составляет второй важнейший источник по рассматриваемой теме – «Философская история» («Жизнь Исидора») Дамаския⁴, ученика Прокла и одного из его преемников на посту главы Афинской школы. Это сочинение сохранилось во фрагментах и не имеет русского перевода, что затрудняет возможности его использования, однако, оно крайне важно и необходимо для нашей работы, особенно для реконструкции последних лет жизни Прокла. Единственное ограничение, о котором нужно помнить при анализе достоверности этого произведения, заключается в том, что Дамаский преувеличивает роль чудесных знамений и проявлений в ущерб рациональным объяснениям причин происходивших событий.

Косвенно важны также исторические сочинения ранневизантийского времени, создающие общий исторический фон по рассматриваемой теме. Однако, следует признать, что мы не имеем какого-либо исторического источника, ни светского, ни церковного, по которому можно было бы скольконибудь полно реконструировать историю интеллектуальной жизни Ранней Византии V в. или специально Афин. Тем не менее, для отдельных фактов и деталей необходимо привлечь весь имеющийся в нашем распоряжении корпус сочинений (в первую очередь, это сочинения Прокопия Кесарийского⁵, Сократа Схоластика⁶, Созомена⁷, Евагрия⁸).

---

⁴ Athanassiadi P. *Damascius: The Philosophical History*. - Athens, 1999.

⁵ Прокопий Кесарийский. *Война с персами. Война с вандалами. Тайная история* / Пер. и коммент. А.А. Чекаловой. – М.: Наука, 1993. – 571 с.

⁶ Сократ Схоластик. *Церковная история* / Пер. под ред. И.В. Кривушина. – М.: РОССПЭН, 1996. – 368 с.

⁷ Созомена Эрмия *Церковная история*. – СПб.: СПбДА, 1861. – 636 с.

⁸ Евагрий Схоластик. *Церковная история в 6 кн.* / Пер. В.И. Кривушина. - СПб.: Алетейя, 1999-2003. - 3 т.

Также в некоторой степени важны ранневизантийские хроники, прежде всего, сочинения Иоанна Малалы⁹, Марцеллина Комита¹⁰ и Пасхальной хроники¹¹.

Таким образом, в целом, имеющихся в нашем распоряжении источников вполне достаточно для решения задач, поставленных перед исследованием. При этом следует иметь в виду, что все многочисленные сочинения самого Прокла несут крайне мало собственно исторической информации, поэтому решающее значение будут иметь историко-биографические сочинения Марина и Дамаския.

Историография. В отечественной науке отдельных работ историков по философским школам Поздней античности, таким, как Афинская, до настоящего времени сделано не было.

Философы же, прежде всего, А.Ф. Лосев в заключительных томах «Истории античной эстетики»¹², эту тему достаточно полно исследовали в контексте развития античной философии вообще, и платонизма (неоплатонизма), в частности. Разумеется, Афинская школа здесь понималась как направление мысли, а не как образовательная институция.

Помимо работ Лосева, в данном же русле следует отметить аналитические статьи Л.Ю. Лукомского¹³ как комментарии к его переводам сочинений Прокла, а также статьи Е.В. Афонасина о «Доме Прокла» в Афинах.¹⁴

⁹ Иоанн Малала. Хронография / Мир поздней античности. Документы и материалы. Вып. 2, 6, 7. – Белгород, 2014-2016.

¹⁰ Марцеллин Комит. Хроника. – Белгород, 2010.

¹¹ ChroniconPaschale 284-628 A.D. / Ed. Michael and Mary Whittby / Translated Texts for Historians. Vol. 7. - Liverpool: University Press, 1989. - 282 p.

¹² Лосев А.Ф. История античной эстетики. Последние века. Кн. II. – М.: АСТ – Харьков: Фолио, 2000. – 544 с.

¹³ Лукомский Л.Ю. Афинская школа неоплатонизма и комментарий Прокла к «Пармениду» Платона // Прокл. Комментарий к «Пармениду» Платона. – СПб.: Мирь, 2006. – С. 693-721; Лукомский Л.Ю. Прокл Диадокх и главный труд его жизни – «Платоновская теология» // Прокл. Платоновская теология. – СПб.: РХГИ, Летний Сад, 2001. – С. 509-527.

¹⁴ Afonasin E., Afonagina A. The Houses of Philosophical Schools in Athens // ΣΧΟΛΗ. Vol. 8. 1. 2014. - P. 9-23; Афонасин Е.В., Афонасина А.С. Неоплатонический Асклепий // ΣΧΟΛΗ. Vol. 10. 1. 2016. - С. 180-189.

Первые работы, которые наметили в отечественной науке некоторые пути дальнейшего изучения наследия Прокла в историческом плане – это статьи А.М. Болговой¹⁵.

В мировой науке ситуация с наследием Прокла выглядит значительно выигрышнее, так как к различным аспектам прокловского неоплатонизма обращалось значительное количество исследователей из различных стран. Здесь наиболее важны монографии А. Берже, Л. Розана, Ж. Труиллара, В. Биервальтеса, Дж. Мартано, Р. Хлюпа, Э. Уоттса, Э. Калделлиса¹⁶ и др.

Среди всех указанных книг наиболее важны книги Радека Хлюпа¹⁷ с попыткой общего введения в философию Прокла, Эдварда Уоттса¹⁸ по истории позднеантичных высших школ в Афинах и Александрии, где Проклу посвящена одна глава, а также монография Энтони Калделлиса¹⁹ о классической традиции в христианизированных Афинах.

Помимо указанных, можно выделить книгу Марка Эдвардса о «неоплатонических святых»²⁰, которая представляет собой английские переводы позднеантичных биографий Плотина и Прокла, однако, ценные вступительные статьи и комментарии делают эту книгу полезной для всех, кто обращается к данной теме.

---

¹⁵Болгова А.М., Болгов Н.Н. Школа Прокла Диадоча и Афины V в. // Власть и общество: проблемы взаимоотношений. – Воронеж, 2016. – С. 269-274; Болгова А.М. Плутарх Афинский и Афинская школа (ок. 390-432 гг.) // Ирсидона. Вып. V. К 30-летию кафедры всеобщей истории НИУ «БелГУ». – Белгород, 2016. – С. 26-39.

¹⁶Berger A. Proclus. Exposition de la doctrine. – Paris, 1840. – 488 p.; Biervaltes W. Proklos. Grundzuge seiner Metaphysik. – Frankfurt am Main, 1965. – 544 S.; Chlup R. Proclus. An Introduction. – Cambridge: UP, 2012. – 328 p.; DeForest, Dallas. Between Mysteries and Factions: Initiation Rituals, Student Groups, and Violence in the Schools of Late Antique Athens // Journal of Late Antiquity. Volume 4, Number 2. 2011. - P. 315-342; Martano G. Proclo di Atene. L'ultima voce speculative del genio ellenico. – Napoli, 1974; Rosan L.J. The Philosophy of Proclus. The Final Phase of Ancient Thought. – New York, 1949; Trouillard J. L'Un et l'ame selon Proclus. – Paris, 1972; Watts E. City and School in Late Antique Athens and Alexandria. - Berkeley/Los Angeles, 2006. - P. 24–142; Kaldellis A. The Christian Parthenon: Classicism and Pilgrimage in Byzantine Athens. - Cambridge, 2009. – 272 p.

¹⁷Chlup R. Proclus. An Introduction. – Cambridge: UP, 2012. – 328 p.

¹⁸Watts E. City and School in Late Antique Athens and Alexandria. - Berkeley/Los Angeles, 2006. - P. 24–142

¹⁹Kaldellis A. The Christian Parthenon: Classicism and Pilgrimage in Byzantine Athens. - Cambridge, 2009. – 272 p.

²⁰Edwards, M. Neoplatonic Saints. The Lives of Plotinus and Proclus by their Students. - Liverpool, 2000. – 412 p.

Тем не менее, все указанные работы носят преимущественно философский, а не исторический характер, написаны достаточно давно. Тем самым определяется важность и своевременность нашего исследования.

Научная новизна работы заключается в первом комплексном историческом изучении биографии и наследия Прокла Диадоха в контексте истории Афинской философской школы V в. Кроме того, данная работа впервые рассматривает деятельность Прокла в контексте концепции культурного континуитета между античной и византийской эпохами.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования материалов и выводов работы в дальнейших научных исследованиях и преподавании соответствующих тем в курсах по истории древнего мира, средних веков, истории мировой культуры.

Структура работы: введение, три главы, разделенные на 6 параграфов, охватывающих основное содержание исследования в соответствии с комплексом поставленных перед ним задач, заключение, список источников и исследований, приложение.

ГЛАВА I. ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНИЯ ПРОКЛА

1.1. Основные вехи биографии философа и схоларха

Прокл, наиболее знаменитый в новоевропейской философии из всех схолархов поздней платоновской Академии, жил в V веке, во времена во многом переломные, когда решался вопрос о будущем всей европейской цивилизации. Даты его жизни, которые обычно указываются во всех современных словарях и справочниках, - 8 февраля 412-17 апреля 485 г.

Основой для столь точной датировки были указания Марина (который стал преемником Прокла на посту схоларха Академии) на гороскоп философа (*Марин*, 35), по которому можно совершенно точно определить дату его рождения и день его смерти (36); при этом, однако, указывается, что прожил он семьдесят пять лет (26), по каковой причине в старых книгах был приведен год рождения 410, что, по всей вероятности, неверно.

Прокл родился в Константинополе, в семье богатого ликийского адвоката, родом из города Ксанфа, по имени Патрикий.

Первые годы жизни будущего ученого прошли в Ликии, на родине родителей, куда они, по всей видимости, возвратились вскоре после рождения сына. Ликия расположена на средиземноморском побережье Малой Азии, в юго-западной ее части.

Обучение свое будущий философ начал также в Ликии, где прошел начальный курс грамматики (*Марин*, 8). В соответствии с принятой тогда «системой высшего образования», оно состояло из трех уровней - грамматика, риторика, философия. Право же находилось на уровне специальных дисциплин (после риторики, но до философии)²¹.

Далее Прокл намеревался специализироваться, как и его отец, в сфере правоправедения и судопроизводства и уехал в Александрию. Для этого надо

---

²¹*Самодурова З.Г.* Школы и образование // Культура Византии. IV – первая половина VII вв. – М.: Наука, 1984. – С. 478-503.

было сначала пройти курс грамматики. Он начал учиться у грамматика Ориона, потомка египетского жреческого рода, а затем уже стал осваивать правоведение, а также брать уроки у софиста Леоната. Вместе с последним он посетил Константинополь, где ему было видение, оказавшее огромное влияние на всю его последующую жизнь: ему явилась богиня и указала обратиться к философии и отправиться в Афины.

Тем не менее, Прокл тогда еще вернулся в Александрию. Его ранние риторические интересы достаточно быстро сменились на философские.

Приступив к изучению философии, Прокл стал учеником александрийского неоплатоника Олимпиодора Старшего. Именно у него он изучал логические трактаты Аристотеля, в понимании и изложении которых он весьма преуспел. Также Прокл обучался математике у Герона (*Марин*, 9).

Интересно, что книги Стагирита по логике юный Прокл выучил наизусть. Когда же он убедился, что его наставники предлагают «не достойные философской мысли толкования» (*Марин*, 10), он в возрасте около 18 лет переехал в Афины, воспользовавшись божественным советом.

Отметим, что Марин в присущей ему манере описывает большое количество божественных знамений, которые сопровождали этот переезд; вероятно, эти знамения были зафиксированы *post factum*, когда Прокл стал уже знаменитым философом.

В Александрии Прокл задержался ненадолго²². Уже 20-летним юношей, в начале 430-х гг., он впервые попал в Афины, где в Платоновской Академии процветали тогда такие крупные деятели как Плутарх Афинский и Сириан. Ими он был радушно принят, так как об успехах Прокла в качестве философа они были уже наслышаны. Первым Прокла встретил Сириан, но на-

---

²²*Watts E.* The Late Antique Student's Perspective on Educational Life // *New England Classical Journal*. 27.2. 2000. - P. 73–78.

правил его к главе школы – Плутарху²³. Схоларх лично занимался с Проклом, что было важно, учитывая преклонный возраст учителя.

Через два года после прибытия Прокла в Афины Плутарх умер, с молодого философа стал опекать новый схоларх (глава школы) Сириан. Он занимался с учеником с охотой и любовью (*Марин*, 7-12).

Прокл, несомненно, был весьма одарен в области философии. Уже к 28 годам он написал много работ, и прежде всего – комментарий на «Тимея», одно из наиболее замечательных произведений античной философии. Огромное по размеру, оно насыщено цитатами, показывающими эрудицию автора, и имеет стройную теорию.

Духовная энергия Прокла уже в молодые годы проявлялась не только в виде изучения мыслителей прошлого, но и в продумывании собственных глубоких теоретических концепций. Он был глубоко религиозен, часто пребывал в молитве и совершал ритуалы. Видимо, из-за религиозных конфликтов он даже однажды на год покинул Афины и уехал в Азию (Ликию).

Около 438 г., после смерти Сириана, Прокл стал главой Афинской школы²⁴. Эту должность он исполнял в течение 50 лет и снискал славу крупнейшего неоплатонического философа после самого Плотина.

Вся дальнейшая жизнь Прокла - это жизнь академического философа, возглавлявшего самую знаменитую школу античной Греции с более чем восьмивековой традицией.

Дни его были заполнены чтением учёных трудов, лекциями и беседами с учениками, составлением собственных сочинений. Об исключительной работоспособности Прокла Марин пишет так: «В беспримерном своем трудолюбии он устраивал в день по пяти разборов, а порой и больше, и писал не меньше, чем по семисот строк. Посещал он и других философов, ведя с ними по вечерам неписанные беседы, но и при этом не забывал ни на миг о ночных

---

²³Болгова А.М. Плутарх Афинский и Афинская школа (ок. 390-432 гг.) // Ирсациона. Вып. V. К 30-летию кафедры всеобщей истории НИУ «БелГУ». – Белгород, 2016. – С. 26-39.

²⁴Watts E. City and School in Late Antique Athens and Alexandria. - Berkeley/Los Angeles, 2006. - P. 24–142.

обрядов и бдений, не забывал и преклониться перед солнцем на восходе, на полудне и на закате».

Помимо преподавания (философ читал пропедевтический курс, посвященный философии Аристотеля, и основной курс, где рассматривалось учение Платона) Прокл предавался трудам благочестия, занимался административными и благотворительными делами. Его работоспособность может внушить самое глубокое почтение, ибо, невзирая на столь большую занятость текущими делами, за свою жизнь он написал множество сочинений, посвященных вопросам, относящимся к самым разным областям знания (от стилистики до математики) и даже слагал гимны в честь богов, но основные его интересы лежали, разумеется, в сфере философии.

Прокл руководил Академией до самой своей смерти, наступившей в 485 г.

Марин в похвальном слове говорит, что Прокл обладал отменным здоровьем, был красив лицом, силен и хорошо сложен. Из личных качеств Прокла он отмечает его исключительную благожелательность, общительность и доброту, справедливость, умеренность и мужество. Всецело посвятив себя философии и не заведя семьи²⁵, Прокл принимал участие в делах своих друзей и их близких. Он не был чужд общественных добродетелей, участвовал в городских собраниях, жертвовал немалые деньги на общественные нужды.

Брак Прокла, самого многообещающего ученика Сириана, и Эдесии был инициирован продуманной политикой определения порядка преемственности должности схоласта при сохранении влияния своей семьи при новом главе школы. Как неженатому человеку, Сириану, видимо, не хватало собственных детей, и он рассматривал этот брак как путь поддержания известности и влияния своей семьи в сфере философского образования.²⁶ Назначение

²⁵ Чуева Ю.Ю., Болгова А.М. Эдесия – мать александрийского неоплатонизма // Научные ведомости БелГУ. Серия История, политология. № 2. 2017 (в печати).

²⁶ В предисловии к «Комментарии на Гермодена» Сириан пишет о своем «любимом отпрыске Александре» (Comm. InHerm. 2). Неясно, каким Александр является «отпрыском» - биологическим или философским. Александр это мог быть кровным родственником, но в этом нет уверенности.

преемника практиковалось сразу же после утверждения очередного схоларха. Эта попытка брака, однако, сорвалась. Прокл вел жизнь аскета, полностью поглощенный научными занятиями и преподаванием²⁷. Впереди у него была полувековая жизнь в качестве схоларха Афинской школы и крупнейшего философа своего времени, написавшего колоссальное количество сочинений²⁸. Об Эдессии мы знаем гораздо меньше. По всей видимости, датой ее рождения надо признать приблизительно 414-416 гг. На момент попытки устройства ее брака с Проклом ей должно было быть около 16-18 лет.

Марин рисует Прокла как совершенство всех человеческих добродетелей и даже как совершенство в физической области. Прославляются безущербность и правильность всех его чувственных ощущений и среди них зрения и слуха, физическая сила и выносливость как в случаях зноя, холода или недостаточного питания, так и в отношении всяких трудов, болезней и напряженных молитвенных состояний (III).

Болеет Прокл мало, но и свои немногие болезни переносил стойко. Стойкость проявлял он и при всяких неожиданных и тяжелых житейских обстоятельствах (XX).

Специально Марин распространяется о физической красоте Прокла, которая, по его мнению, состояла из уравновешенности и согласованности всех частей тела, а также из соответствия всех его физических совершенств его душевному строю, тоже всегда уравновешенному и сосредоточенному (III).

В отношении всех людей Прокл всегда отличался правдивостью, справедливостью и учтивостью. «Он привлекал собеседников учтивостью и веселостью без утраты достоинства, так что люди расходились от него ободренные» (IV-V). Для Прокла были характерны щедрость и великодушие (XIV), а

²⁷ «Жены и детей у него никогда не было — так он сам захотел, и хотя мог выбирать меж многими самыми знатными и богатыми невестами, однако, как сказано, сохранил свою свободу» (Marin.Vit. Procl., 17).

²⁸ См.: *Watts E.J.* City and School in Late Antique Athens and Alexandria. Berkeley — Los Angeles, 2006. - P. 79-110.

его заботливость проявлялась даже в уходе за больными и их лечении (XVII). В тесной связи с этим находилась также и его всегдашняя общественно-политическая настроенность, заставлявшая его участвовать в разных собраниях, подавать благие советы правителям, заботиться о справедливых отношениях между гражданами, содействовать делу просвещения, жертвовать в пользу общества и даже завещать свое имущество не только близким, но и государству (XIV-XVI).

Что ему совсем не было свойственно, это состояние гнева, который он либо совсем преодолевал, либо превращал в разумное поведение (XX). В спорах если он и гневался, то очень быстро успокаивался, быстро делался податливым; и если было нужно, то за своих спорщиков заступался перед правителями (XVI).

Дни и ночи Прокл проводил в постах и молитвах, обязательно исполняя, кроме того, еще и религиозные омовения, очищения и вообще всякие религиозные обряды (XVIII-XIX, XX).

Общее мнение Марина о бытовом поведении Прокла сводится к тому, что Прокл решительно отвергал все низменное и во всем преследовал только цели преуспеяния в мудрости (IV). Это и заставляет Марина сказать о душе Прокла: «Было в ней разумение – не житейское разумение, помогающее управлять тем, чем можно и не управлять, а иное, чистейшее мышление, обращенное само на себя и не скованное представлениями тела» (XXI). Чистое мышление, обращенное к самому себе, – вот в чем заключалась, по Марину, вся личность и вся жизнь Прокла. Как и все неоплатоники, Прокл был благочестивым последователем теургии²⁹ и традиционных греческих культов, соединявшихся с чужеземными верованиями, прежде всего египетскими и халдейскими, также весьма почитаемыми. Он неукоснительно соблюдал всевозможные очищения, воздерживаясь от животной пищи, предаваясь молитвам, постясь, отмечая праздники, сочиняя гимны в честь богов – как отеческих,

---

²⁹См. подробнее: *Петрова А.В.* Феноментеургии. – СПб.: РХГИ, 2003.

так и чужеземных. Прокл не только учил о божественном, но и участвовал в разных священнодействиях, занимался гаданием и магией. Марин сообщает о Прокле много чудесного. А сам Прокл, по свидетельству Марина, говорил, что «философ должен быть не только священнослужителем одного города, но иереем целого мира».

Время жизни Прокла - это закат древнегреческой цивилизации. Языческие культы ещё отправлялись в частном порядке, но христиане, ставшие активными участниками политической жизни, всё больше настаивали на их полном запрете. Как раз в это время из Парфенона была изъята знаменитая статуя Афины работы Фидия, что в окружении Прокла было воспринято как явное кощунство.

В религиозной полемике Прокл отнюдь не был пассивной стороной - как сообщает Суда, он написал *Возражения против христиан* в 18 книгах. Одно время нападки на Прокла сделались настолько сильными, что ему пришлось уехать на целый год из Афин в Лидию.

Личность Прокла обросла теургическими чудесами, что дало повод М. Эдвардсу метко назвать его одним из «неоплатонических святых»³⁰. Некий Руфин, собеседник Прокла, не только был поражен глубиной ума и красноречием философа, но и увидел вокруг его головы сияние (XXIII). Дочь Плутарха Асклепигения, знаток и любитель халдейских оракулов, научила тому же и Прокла, который еще и раньше того, в связи со своими халдейскими очищениями, «видел светоносные лики Гекаты». При помощи талисманов Прокл однажды навел на Аттику дожди и спас ее от вредоносной засухи, а также усмирал землетрясения и предсказывал, сидя на своем пророческом треножнике, свою собственную судьбу. Однажды во сне ему открылось, что в нем живет душа пифагорейца Никомаха (XXVIII). По его молитве мгновенно выздоровела после мучительной болезни дочь Архиада и Плутархи

---

³⁰Edwards M.J. Neoplatonic Saints. The Lives of Plotinus and Proclus by their Students. - Liverpool, 2000.

(XXIX). Незадолго до его смерти во сне явилась ему змея, которая исцелила его от боли по соизволению Асклепия (XXX).

Чудеса творились также и вокруг исцеления Прокла от подагры (XXXI), а когда он умер, то вся природа выражала по этому поводу свою скорбь, так что произошло даже затмение солнца и среди дня наступила ночь на земле (XXXVII). Но, кажется, совершенно уникальным фактом является то, что после похищения злоумышленниками статуи Афины в Парфеноне Проклу явилась во сне некая прекрасная женщина, призывавшая его приготовить свой дом для прибытия к нему Афины и для дальнейшего поселения Афины в его доме (XXX).

Платоновская Академия при Прокле пережила свой последний расцвет. Марин рассказывает, что когда Прокл мальчиком прибыл в Афины, вечером того же дня он решил подняться на Акрополь. Сторож, уже собиравшийся запирасть ворота, сказал ему так: «Кабы не ты, я запер бы ворота». При Прокле ворота античной философской учёности всё ещё оставались открытыми.

Когда он умер, до конца платоновской Академии, прекратившей свою деятельность в контексте указа Юстиниана в 529 г. о прекращении финансирования школ городскими общинами, оставалось менее полувека³¹.

1.2. Письменное наследие Прокла

Основные философские сочинения Прокла посвящены рассмотрению высших начал всего сущего и утверждению платонизма в качестве богословского учения.

Литературная деятельность Прокла была посвящена, прежде всего, комментированию и интерпретации трудов древних авторов.

---

³¹Болгова А.М.К проблеме закрытия Афинской школы 529 г. // Известия УрФУ. 2. 2016. - Екатеринбург, 2016. – С. 26-34.

Философ написал комментарии ко всем двенадцати диалогам Платона³², которые со времен Ямвлиха входили в обязательный курс обучения любого человека, желающего получить образование по платонической методике. Это диалоги 1) «Алкивиад I»; 2) «Горгий»; 3) «Федон»; 4) «Кратил»; 5) «Теэтет»; 6) «Софист»; 7) «Политик»; 8) «Федр»; 9) «Пир»; 10) «Филеб»; 11) «Тимей»; 12) «Парменид».

Помимо перечисленных диалогов Прокл написал обширный комментарий к «Государству», а также к различным сочинениям Аристотеля.

Из многочисленных комментариев Прокла на диалоги Платона до нас дошли пять: на *Тимея* (Марин пишет, что Прокл ценил его более всех других), *Парменида*, *Государство*, *Алкивиада I* и отчасти на *Кратила*. Сохранилась также часть комментария Прокла на *Эннеады* Плотина.

Все комментарии на Аристотеля утеряны, однако известно, что Прокл толковал *Категории*, *Об истолковании*, *Первую и Вторую аналитики*.

В латинском переводе Вильгельма из Мербеке сохранились три небольших философских трактата Прокла - *О десяти сомнениях касательно промысла*, *О промысле, судьбе и о том, что в нас*, *Об ипостасях зла*.

Интерес к древним теологическим учениям выразился в комментарии к «Халдейским оракулам», который философ написал по заданию Сириана, причем работа эта заняла пять лет и, по-видимому, была закончена уже в бытность Прокла схолархом (Марин, 26).

Орфические тексты учитель поручил комментировать Домнину, однако философ не оставил без внимания и их: в своих беседах он столь блестяще интерпретировал эту теологию, высказывая при этом идеи, которые явно не принадлежали ни Сириану, ни Домнину, что Марин записал основные положения данных бесед (27). Более всего сам мыслитель ценил свой комментарий к «Теэтету» (до нашего времени не сохранившийся) и к «Тимею» (который он написал в 28-летнем возрасте).

³²Лукомский Л.Ю. Афинская школа неоплатонизма и комментарий Прокла к «Пармениду» Платона // Прокл. Комментарий к «Пармениду» Платона. – СПб.: Миръ, 2006. – С. 693-721.

Разумеется, не все работы Прокла дошли до нас; от некоторых сохранились лишь части того или иного размера. Перечислим те сочинения, которые имеются в нашем распоряжении.

1. «Первоосновы теологии» — небольшой трактат, разбитый на 211 параграфов, в котором доказываются основные теоремы, относящиеся к эманации божественных родов.

2. «Платоновская теология».

3. «О десяти сомнениях касательно промысла».

4. «О промысле, судьбе и о том, что в нас».

5. «Об ипостасях зла» (сочинения 3—5 дошли до нас в латинском переводе XIII в., принадлежащем Вильгельму из Мёрбеке).

6. Комментарий к диалогу Платона «Тимей» (до 44d).

7. Комментарий к «Пармениду».

8. Комментарий к «Государству».

9. Комментарий к «Алкивиаду I».

10. Комментарий к «Кратилу».

11. Комментарий к I книге «Начал» Евклида.

12. Схолии к «Трудам и дням» Гесиода.

13. «Первоосновы физики».

14. «Обзор астрономических положений».

15. «Эклоги из халдейской философии» (извлечения из специального большого труда в 10 книгах).

16. «О жертвоприношении и магии».

17. Семь гимнов богам (к Гелиосу, к Афродите, к музам, ко всем богам, к ликийской Афродите, к Гекате и Янусу, к велемудрой Афине; сохранился также фрагмент из гимна к Дионису).

Существует еще ряд сочинений, авторство которых сомнительно, но приписываются они Проклу («Сфера», «Парафраз к четырем книгам Птолемея» и «Хрестоматия»).

Предлагаются попытки реконструкции всего списка работ Прокла. Например (сохранившиеся отмечены *):

I. Комментарии на Платона.

1. Комментарии на «Тимея».
2. * Рассмотрение возражений Аристотеля против «Тимея».
3. * Свод математических теорем, относящихся к «Тимею».
4. Комментарии на «Государство».
5. Комментарии на «Парменида».
6. Комментарии на «Алкивиада I».
7. Комментарии на «Кратила».
8. * Комментарии на «Филеба».
9. * О трех монадах.
10. * Комментарии на «Федона».
11. * Комментарии на «Федра».
12. * Комментарии на «Тэетета».
13. * Комментарии на «Горгия».
14. * Комментарии на речь Диотимы.
15. * Комментарии на «Софиста».
16. * Очистительное исследование платоновских догматов.

II. 17. * Комментарии на Плотина.

III. Сочинения о системе и отдельных философских вопросах.

18. Элементы богословия.
19. Элементы физики.
20. Богословие Платона.
21. Десять сомнений относительно провидения.
22. О проведении, судьбе и о том, что в нас.
23. Об основании зла.
24. * Восемнадцать эпихейрем о вечности космоса против христиан.
25. * О месте.
26. * Монобиблон.

27. * Послание к Аристоклее.

IV. Сочинения о математике и астрономии.

28. Комментарии к первой книге «Элементов» Евклида.

29. * О параллельных линиях.

30. Толкование на первую книгу никомаховского руководства по арифметике.

31. Изложение астрономических положений.

32. Парафраза на «Тетрабиблос» Птолемея.

33. Толкование на «Тетрабиблос» Птолемея.

34. О затмениях.

35. * Уранодром.

36. Сфера.

V. Сочинения о теургии и религии.

37. * Об искусстве жертвоприношений у эллинов.

38. * О мифических символах.

39. * О халдейской философии.

40. * На богословие Орфея.

41. * Десять книг о согласии Орфея, Пифагора и Платона с «Халдейскими оракулами».

42. * Книга о Великой Матери.

43. * О Гекате.

44. * О теургической молитве.

VI. Комментарии на Гомера и Гесиода.

45. * Комментарии на всего Гомера.

46. * О богах у Гомера.

47. Комментарии к «Трудам и дням» Гесиода.

VII. 48. Гимны.

Важнейшим среди произведений философа является трактат «Платоновская теология».³³ *Платоновская теология* - это капитальное сочинение, в котором Прокл выстраивает учение о высших началах и богах, приводя при этом множество цитат из Платона, призванных подтвердить, что такая система имела уже у самого Платона, и что все сочинения Платона представляют собой единый священный текст³⁴.

В трактате *Начала теологии* Прокл излагает свой вариант учения о сверхчувственных началах. Этот трактат состоит из 211 параграфов, в каждом из которых сначала формулируется, а потом доказывается некоторое утверждение.

Перейдём теперь к другим сочинениям Прокла, по которым мы можем в какой-то мере судить о том, каков был круг знаний, передававшихся в платоновской Академии в эпоху поздней античности.

В небольшом трактате *Начала физики* в виде цепочки определений и теорем излагается физическая система Аристотеля.

К астрономическим сочинениям относятся короткий трактат элементарного содержания под названием *Сфера*, краткий *Обзор астрономических предположений*, *Пересказ астрологического Четырёхкнижия Птолемея* и книга *О затмениях*, сохранившаяся только в латинском переводе.

Из математических сочинений Прокла целиком сохранился *Комментарий к I книге Начал Евклида*. Проклом было составлено также отдельное сочинение о параллельных прямых. До наших дней оно не дошло, но его общие идеи могут быть установлены по соответствующим пассажам из комментария к Евклиду (191.23-193.7; 365.7-373.2).

Из религиозных и магических сочинений Прокла до нас дошли *Эклоги из халдейской философии* (извлечение из большого трактата в 10 кн.) и книга *Об иератическом искусстве эллинов*.

³³ Список изданий сочинений Прокла и русских переводов см. в библиографии.

³⁴ Лукомский Л.Ю. Прокл Диадох и главный труд его жизни – «Платоновская теология» // Прокл. Платоновская теология. – СПб.: РХГИ, Летний Сад, 2001. – С. 509-527.

От Прокла сохранилось также семь гимнов к богам: к Гелиосу, к Афродите, к Музам, ко всем богам, к Ликийской Афродите, к Гекате и Янусу, к премудрой Афине. Эти гимны, написанные гомеровским гекзаметром, обращают на себя внимание орфическим содержанием, которое воплощается в обращенных к богам призывах дать нам избежать «чёрного зла рождений».

По этому поводу в науке происходили споры, в которых высказывались и положительные и отрицательные взгляды на эти гимны. Но в настоящее время можно считать, что уже давно водворилась в науке и глубокая по своему содержанию и высокая в художественно-техническом смысле оценка этих гимнов Прокла. Детально изучена как их философско-теоретическая сторона, так и их художественная образность. Но особенно важно то, что в настоящее время никто не отрицает необычайной искренности этих гимнов, равно как и их острейшим образом направленного интимно-личностного содержания. Во всей античной литературе нельзя встретить такого слияния философско-теоретической изощренности и восторженно-личного переживания самых крайних и предельных обобщений. В советской науке имеется тщательное исследование А.А. Тахо-Годи «Гимнография Прокла и ее художественная специфика»³⁵.

Гимны Прокла – это небывалая по своей выразительности картина всего его философско-эстетического символизма, начиная с предельных разумных и сверхразумных обобщений, проходя через восторги перед стихией космической красоты и кончая интимно-личностными и даже чисто бытовыми вздохами и надеждами.

В гимнической поэзии Прокла "ученая", изысканная манера, характерная вообще для его эпохи, сплетается с "искренним" и "личным" чувством, созвучным душевному состоянию молящегося. Правда, У. Виламовиц скептически относился к поэтическому дару Прокла, полагая, что "особенно высокой поэзии или хотя бы риторического искусства нельзя ожидать от болт-

---

³⁵Тахо-Годи А.А. Гимнография Прокла и ее художественная специфика // Вопросы классической филологии. Вып. 9. – М., 1987. – С. 177-212.

ливого философа, равно как нельзя ожидать от его стихов развития его философских учений". Вот почему, считает Виламовиц, гимны Прокла обращали на себя мало внимания.

Отказывая Проклу в поэтическом даре и во внутренней связи с его философским учением, Виламовиц, однако, особенно подчеркивает в гимнографии философа ее личностное начало, «выражение подлинного настроения», но условное, как и та теология, которую он исповедует. Тем не менее, судя по рассуждениям Виламовица, эта условность была оправдана традицией самого гимнического жанра, складывавшегося в философских школах в чисто практических целях, когда совместные трапезы и празднества нуждались в культовой поэзии, как это можно увидеть, например, в известном гимне к Зевсу стойка Клеанфа.

У. Виламовиц-Меллендорф особенно ценит VII гимн Прокла, обращенный к Афине, где она предстает как носительница отечественной веры во всем великолепии ее собственного изображения и храма, где она обитает³⁶.

Такого рода личное обращение ученого и его учеников находит Виламовиц не только в гимне к Афине. Гимн VI, к Гекате, тоже, видимо, связан с важным моментом открытия школы. «Очень личностный» гимн V, в котором Прокл обращается к Афродите Ликийской, богине своих родных мест. Даже в I гимне к Гелиосу, как считает Виламовиц, вырисовывается личность Прокла, профессора и главы школы, которой угрожает разрушение отеческой веры. О личностном начале в III гимне к музам Виламовиц даже и не сомневается, усматривая здесь явный страх перед "родом нечестивых людей", то есть христиан, которые готовы отвратить поэта-философа от священной тропы древнего благочестия.

В свою очередь, некоторые из немногих исследователей, которые в последние десятилетия обратились к гимнам Прокла, выступают прямыми критиками и Виламовица и точки зрения конца XIX в., сильно преувеличивав-

---

³⁶ Там же. – С. 199.

шей влияние Нонна и его школы на Прокла. Так, Э. Фохт, заново издавший гимны Прокла в сопровождении большого критического аппарата, схолий и индексов, совершенно справедливо полагает, что никак нельзя преувеличивать и переоценивать влияние школы Нонна на гимнографию Прокла или их взаимное влияние, поскольку намерения неоплатонического философа, комментатора Платона, Прокла и эпигона эпиков, Нонна, очень отличаются друг от друга³⁷.

К сравнению Нонна и Прокла нужно подходить, исходя не из формальных признаков стиля, каковые могут сближать Прокла также и с предшествующей гимнической традицией вообще, но из существенных задач и целей, на которые были направлены условная изошренность автора эпической поэмы о Дионисе и живая потребность философа поэтически прочувствовать мир высочайших идей, само бытие которых уже находилось под угрозой в последние дни античности. Но гимны Прокла нельзя измерять техникой Нонна. Скорее всего, Нонн развил и использовал тот эпический стиль, который мы находим также и в гимнах Прокла. Что же касается буквальных совпадений, то они говорят о взаимодействии обоих поэтов со стороны поэтической техники.

Прокл пользовался гораздо более традиционной техникой стиха, чем Нонн. Если же учесть, что Прокл изучал поэтическую технику молодым человеком в Александрии, то он должен был хорошо знать новшества поэзии тридцатых годов V в., а Нонн тогда еще никак не мог на него воздействовать, поскольку деятельность Нонна ограничена 440-490 годами.

Выявить автобиографизм гимнов совершенно обязательно. Гимны Прокла, как устанавливает А.А. Тахо-Годи, «являются захватывающим самосвидетельством одинокого и замученного человека, который болезненно сознавал отделение своей души от божественного истока, ее запутанность в земных делах, ее безродность и потерянность в мире, как и очевидность ее

---

³⁷ Там же. – С. 201.

окончательного освобождения». Вот почему он не заботился о внешнем совершенстве своей поэзии³⁸.

Такой глубокий подход к гимнам Прокла дал возможность кратко сформулировать мысль о том, что "зависимость между философской и поэтической продукцией Прокла... теснее, чем между его гимнами и произведениями Нонна, а также его школой; и только из знания философии Прокла возможно понимание его стихов".

Принимая во внимание настойчиво выдвигаемый, но недостаточно разработанный исследователями личностный характер гимнографии Прокла, нельзя не остановиться, в первую очередь, на выразительных свидетельствах, тоже биографического плана, хотя определенным образом заостренных и явно идеализированных, как это положено для любого жизнеописания, а особенно для похвального слова, каким является сочинение Марина, ученика и биографа Прокла.

Прокл, который, по свидетельству своего биографа, тоже неоплатоник, Марина, даже по ночам слагал гимны, записывая их утром (*Vita Procl.* XXIV), с юности находился под влиянием Аполлона Мусагета (гл. VI) и, несомненно, проявил свое обостренное чувство выразительного и в философских сочинениях. Любовь Прокла к сложнейшему, но в основе своей безупречному в логическом отношении плетению мысли, к тщательному, филигранному обтачиванию сути и формы платоновского слова проявляется с особым мастерством в его свободных художественно-эстетических парафразах на классическую сжатость и простоту платоновского «Тимея». И здесь, несомненно, сказывается стремление философа к самостоятельному поэтическому творчеству.

Образ Прокла, не только философа, но и поэта, красочно рисуется Мариной в известном жизнеописании Прокла, где как раз особенно выделяются художественно-эстетические черты, указывающие на внешнее совершенство

---

³⁸ Там же. – С. 203.

Прокла, на его телесную красоту, на то, что «душа его цвела в теле, как некий жизненный свет, испуская дивное сияние, с трудом изобразимое словами».

Марин создает идеальный портрет философа, образцового в своей калогагии, который сроднился с высшей истиной, справедливостью, мужеством, умеренностью, высотой духа, добротой и обладал необычной восприимчивостью, редкой силы памятью, чуждался неизящного и грубого. Отсюда особое почтение Прокла к богине Афине, явившейся ему во сне и призвавшей его заняться философией, а также к Аполлону Мусагету, способствовавшему Проклу быть «первым во всех науках» (VI), чему помогло также явление Телесфора-Свершителя, самого Зевса в облике светоносного юноши (VII). Афина и Аполлон, философия и поэзия, неизменно сопровождают Прокла³⁹.

Страсть к поэзии не покидала его всю жизнь, и в семидесятилетнем возрасте он «слагал песнопения», читал Орфеевы стихи, написал к ним подробный комментарий, толковал оракулов, в сорок лет дважды произнес провидческие стихи о своей собственной судьбе (XXVIII) и даже сочинил себе эпитафию (XXXVI).

Больше всего из своих сочинений он ценил комментарии к «Тимею» (XXXIII), труд своей молодости, где красота мысли и философская глубина нераздельны. Идея нерасторжимости разума и красоты также пронизывает жизнеописание Прокла, и не случайно Марин, автор этой биографии, обращается здесь именно к «любителям прекрасного» (XXXVI), заключая, что «разум и ум владычествовали» в душе Прокла, а вся его жизнь «была красива» (XXI). Перед нами настоящий энкомий, подлинная похвала Проклу, создающая, пусть даже и способом идеализации своего героя, вполне реальное представление о единстве философии и поэзии, издавна присущем древним мудрецам, о том единстве, которое мечтает возродить философ конца антич-

---

³⁹ Там же. – С. 207.

ности. Художественно-эстетический аспект комментариев Прокла к «Тимею» получает еще большее подтверждение своей закономерности и органичности в том случае, если привлечь для их анализа гимнографию философа.

Гимны Прокла, дошедшие полностью, посвящены Гелиосу (I)¹⁸⁸, Афродите (II), музам (III), богам (IV), Афродите Ликийской (V), Гекате и Янусу (VI), велемудрой Афине (VII).

Гимн, обращенный к Гелиосу, указывает на монотеистические тенденции в язычестве, особенно характерные в последние века античности. В первую очередь, здесь мыслится отождествление Аполлона с Солнцем.

Однако и у самого Прокла в комментариях на платоновского «Кратила» (гл. 174-176) образ Аполлона рисуется «со стороны пластически-упорядоченной и структурно-творческой его природы», являясь «виновником единения и возводителем множества к единству», то есть он приближается по своим функциям к демиургу, как сын подражает отцу, а значит, Гелиос Прокла в своей универсальности объединяет первичную демиургическую мощь Зевса-отца и вторичную – сына (In. Crat. 99, 27 – 100, 7).

Универсалистские тенденции Прокла оправданы в гимне к музам (III), дочерям Зевса, прославляемым как высшие носительницы ума, знания, чистоты, светоносности; в общем гимне богам (IV); в гимнах Гекате и Янусу (VI), указующим путь к свету мудрости; и Афине (VII) как высшей мудрости, символу упорядоченности, умной красоты и любви, охранительнице человека и общества.

Таким образом, гимны I, III, IV, VI, VII представляют некое определенное единство⁴⁰, не нарушаемое включением сюда Гекаты и Януса, ибо среди функций древней Гекаты, богини мрака, ночных видений и чародейства, были и вполне благодетельные (покровительство охоте, пастушеству, общественной деятельности человека в судах и народном собрании. Кроме того, в образе Гекаты как дочери светоносных титанидов – Астерии и Перса, богини,

---

⁴⁰ Там же. – С. 208.

близкой Артемиде, Деметре и Персефоне, объединяющей мудрость жизни и смерти, мрака и света, издавна были заложены универсалистские тенденции.

Особенно характерен здесь для Прокла как гражданина Римской империи Янус двуликий и даже четырехликий, смотрящий на все стороны света, который мыслился как божество всех начал и концов, внутренней и внешней государственной упорядоченности, римский коррелят двуликих Гермеса и Аполлона, держатель ключей 365 дней, то есть всего солнечного года. Гимны к Афродите (II и V) представляют собой воспевание двух типов богини – небесной и земной, восхваление любви, красоты, света и очищения.

Итак, умная светоносная демиургия, умное светоносное знание и умная светоносная красота – вот три главных аспекта в гимнических восхвалениях Прокла. Сама тема просветления, восхождения к светоносному источнику очищения через свет теснейшим образом переплетается с диалектикой мысли философа, идущего к чистому знанию.

Вполне можно сказать, что гимны Прокла есть не что иное, как самая настоящая молитва философа, но только философ этот – поэт, хорошо владеющий техникой традиционной гимнографии⁴¹.

Далее необходимо изучить, как художественно-эстетические тенденции комментариев Прокла на платоновского «Тимея» соотносятся с гимнографией философа, которая дополняет, углубляет и развивает образы космологической картины комментариев, начиная от демиурга-отца как воплощения высшего блага, переходя к красоте космоса, творящего ума, мировой души, богов, небесных сфер, внутрикосмических тел и души, чтобы завершить это нисхождение сверху вниз дольним миром безвидной и вечнотекучей материи.

Демиург, или демиургический Ум, сравнивается в комментариях Прокла с Фидием. Однако творческий акт Демиурга – это не только работа скульптора, изваявшего Зевса по типу гомеровского громовержца, но труд

---

⁴¹Реале Дж., Антисери Д. Прокл: последний самобытный голос языческой античности // *они же*. Западная философия от истоков до наших дней. Т. 1: Античность. – СПб., 1994. – С. 253-255.

высшего художника, а именно самого «мыслящего божества» (ποιηον... theon), создающего прекрасный мир, созерцая вечный, а не становящийся архетип (I 265, 14-26). Демиургия – своеобразное художественное творчество, миметический акт, без которого немислим творец (334, 18). Но этот добрый демиург, наилучшая из причин (330, 22 – 332, 30) – создает мир, играя (334, 2), обладая силой, производящей красоту (334, 15) и упорядочивающей космический строй (334, 19). Демиургическую волю Прокл именуется, обращаясь к терминологии сценического искусства, хорегом (214, 3), устройтеlem космического действия. Демиургический ум все освещает своей красотой (361, 4-7), он – причина первой красоты – *protiston callos* (434, 28-31), целостности космоса и его упорядоченности (305, 16-20), будучи сам всесовершенной целостностью (*panteloys holotes*, 423, 3-7). Величественная фигура демиурга, вдохновенно (*enthoysiasticos*) обратившегося к богам с речью, пронизанной светом умных замыслов, поражающей силой, полной прелести, красоты (*calloys*), четкой (*syntomos*), тщательно отделанной (*apescibomenos*)(III 199, 30-200, 3). Все дышит здесь божественностью и все пронизано сиянием красоты (*callei dialamponton*)(200, 20-26)⁴².

Образ демиурга в комментариях к «Тимею» разработан Проклом еще более выразительно в гимне «К Гелиосу» как универсальному наивысшему божеству. Здесь подчеркивается именно мощь Гелиоса – владыки (I 2), царя (1), держателя ключа от источника жизни (2-3), восседающего в высоте над эфиром (5), умиротворяющего смятение стихий (13), распределяющего свет (2), от мановения которого все зависит (50). Великому богу уступает даже хор непоколебимых Мойр, вращающих веретена (16, 48-49), а демоны, губящие людей, страшатся бича небесного владыки (27). Он – родитель Диониса и Феба – Пэана, играющего на дивной кифаре (19, 20, 24), наполнившего космос всеполезной гармонией (23). Гелиос изливает ток гармонии (3-4) на миры телесные (*hylaiois eni cosmois*, 4). Он – царь умного огня (*pygos poeoy*, 1),

⁴²Тахо-Годи А.А. Гимнография Прокла и ее художественная специфика // Вопросы классической филологии. Вып. 9. – М., 1987. – С. 210.

увенчанный огнем бог (pyristephes, 33), златоповодный титан (chrysenie, 1), обладатель вечноцветущих огней (seithaleas... pyrsoys, 8), податель чистого света (phaos hagnon, 40) и светодаровитого здоровья (42), тот, что рассеивает ядоносный мрак (41).

Мудрость и знание, присущие вечному божеству, особенно выделяются в гимнах Прокла. Боги стоят у кормила (oiecas echontes) священной мудрости (sophies, IV 1). Они – вожди (hegemones) пресветлой мудрости (13), податели чистого света от пребожественных книг (1), пробуждающих ум (egersinoon, III 4). Поэт приходит в исступление, движимый умными мифами мудрецов (5), а матерью (metera) книг является сама Афина (VII 23). Ум, знание, мудрость воспеваются Проклом на все лады. Афина раскрывает врата (pyleonas) богошествовающей мудрости (7), она ее подательница (34), обладающая острым умом (agcylometen, 49). Это богиня, украсившая жизнь многознающими (polyeidesi) искусствами (19), вкладывающая в душу умную демиургию (demioergeien noeren, 20)⁴³.

Похвала Афине вполне соответствует тому воспеванию мощи Ума, которое в дальнейшем пронизывает гимны Прокла и отвечает самым интимным настроениям философа. Ведь, по свидетельству Марина, Афина «как будто была причиной бытия» философа, когда Прокл по воле судьбы родился в охраняемом ею городе. Богиня своим промыслом направила его затем ко благу и, явившись ему во сне, призвала к занятиям философией (VI). Она же была путеводительницей Прокла в Афины, после того как осчастливила его своей эпифанией в Византии (IX-X). Прокл, по словам Марина, «был люб» богине – покровительнице мудрости, изъявившей свое желание навсегда пребывать вместе с ним (XXX).

В гимнах Прокла образ Афины усложняется. Она не только подательница мудрости, но богиня, «священный свет молниемечущая в лицо» (phaos hagnon apastraptoysa prosopoі, VII 31), «медосоветная» (40), преклоняющая

---

⁴³ Там же.

свой «медовый слух» (*meilichon ouas*, 52) к человеку, душа которого совершенствуется от медовых сотов мусической мудрости (III 10). Афина посылает «плывущему по жизни тихие дуновения» (*galenioontas aetas*) (VII 47), дарует страннику счастливую пристань (*olbion hormon*, 32), спасает от черных скорбей (*melainaon odynaon*, 46) и, наконец, прославляется как «владычица» (*potnia*, 5), обладающая радостным духом (5); подательница не только мудрости, но и любви (*erota*, 34), исполненной мощи (*menos*, 34).

Афродита, воспетая Проклом в гимнах, – богиня небесная и земная. Она возносит душу от «безобразия» (*aischeos*) и безумия земных страстей к великой красоте (*es poly fallos*, V 14-15). Она исправляет жизненный путь человека справедливейшими стрелами (II 20) и укрощает «хладный порыв желаний» (21), преклоняя к человеку свое «острослышащее ухо» (14).

Ликийская Афродита – богиня родных мест философа, царица (*basileida*, 1), чье изваяние – символ «умного брака и умных свадебных пиршеств огненного Гефеста и небесной Афродиты» (V 5-6). Здесь образ Ликийской богини любви и красоты исполнен особого благоговения и морального пафоса как наставительницы человека, направляющей его на жизненных путях, оберегающей супружеские узы, очищающей от губительных страстей и приближающей людей к божественной душе вечного космоса⁴⁴.

Красота, по Проклу, пронизывает весь космос. Все части космоса объединяются в идеальный целостный организм непрестанной деятельностью Вселенской Души (*tes holes psyches*), которую философ сравнивает с трагическим поэтом (*tragoidias poietes drama poiesas*), наблюдающим за правильной игрой актеров и являющимся единственной причиной разыгрываемой космической драмы (II 305, 7-25).

Характерная для Прокла сценическая терминология неоплатоников уже была предметом специального изучения. Развернутая картина человеческой жизни как сценической игры, поставленной великим хорегом – высшим ра-

---

⁴⁴ Там же. - С. 210.

зумом, или Единым, была дана еще Платином в его трактате «О промысле» (III 2). Строгая распорядительность космического поэта-демиурга обеспечивает каждой душе в мире свою роль, свою маску и костюм. «Поэт вселенной» ставит трагедию на подмостках целого мира (III 2, 17, 27-58) и проявляет свое мастерство в строгом объединении всех замыслов театрального действия, так что в конце концов продуманность этой космической игры напоминает прекрасно налаженный музыкальный инструмент (17, 59-89).

Если в комментариях Прокла демиург создает мир "играя", а воля его сравнивается с деятельностью "хорега", то и в гимнах Прокла мусическая и драматическая терминология имеет место. Мойры, вечно вращающие свои веретена, образуют хор (*choros*, I 15); планеты ведут "неутомимые хороводы" (*asamatoisi choreiais*, 9); Феб, играя на кифаре, убаюкивает пением человеческий род (15); музы обучают души людей "держатъ стопу" (*ichnos eschein*) над глубоким летейским потоком (III 6). Более того, непрерывное воспевание божества (I 24, 26; III 1) связано с очищением душ при помощи особых таинств (*teleteisi*, IV 4, VI 7), "неизреченных" (*arretoisi*, IV 4). С таинством, чародейством и даже вакхическим исступлением связано воспевание божества, "благоглаголанье, околдовывающее ум" (*eueries phrenothelgeos*, III 11), мудрость, исходящая от муз (*baccheysate*, 5). Таким образом, красота космоса и красота, изливающаяся богами на души благих людей, мыслятся Проклом как замысел единого демиургического творчества, который пронизывает божественный и человеческий мир⁴⁵.

Красота, следовательно, охватывает у Прокла также мир внутрикосмических тел. Он выделяет в комментариях к "Тимею" красоту и благо небесного семичлена, гебдомады (II 260, 7-13), а также ее пропорции (267, 19-24). Небесные тела сияют красотой (I 60, 14), "гармонической общностью единения" (II 18, 16), и геометрическая пропорция придает телу особую красоту (*calloys*, там же).

⁴⁵ См. *Петров А.В.* Прокловская теория мифа // Академия. Материалы и исследования по истории платонизма. Вып. 1. – М., 1997. – С. 252-278.

Гармония, по мысли Прокла, – "причина", порождающая самих муз (*aitia mouson*), и "сила", воздействующая на внутрикосмические тела; причем эта сила (*dynamis*) как раз именуется здесь "хорегом" (III 214, 3-20).

Идея вращающегося в себе "умного огня" влечет за собой круговые движения планет вокруг Солнца, причем эти планеты, как выразительно говорит Прокл, ведут хороводы (*choreiais*, 9), и эти хороводы, то есть шествие по кругу, тоже не имеют завершения, они "неутомимые", как и бег солнечной колесницы. Но сами планеты в свою очередь "опоясаны" (*dzosameni*, 8) "вечноцветущими огнями" солнца (*aeithaleas seo pursoys*, там же), то есть они вечно горят уделаемым им жаром Гелиоса. Солнечный бог мыслится также в огненном венце, "огневенчанным" (*puristephes*, 33). Кроме хороводов планет в космосе водят также хороводы и Мойры, богини судьбы, хотя перед солнечной мощью даже они "поворачивают вспять" нить необходимости (*metastrophosin*, 16).

Если средоточием универсума является Солнце, то вся сферическая картина широкого (*eugea*, 23) космоса дополняется еще представлением о некой противопоставленной друг другу целостности высоты и глубины этого мира. В надэфирных высях находятся светлые чертоги Солнца, откуда с высоты (*hypsothen*, 4) изливается "ток гармонии" (*harmonien rhuma*, 4) на "телесные миры" (*hylaiois epi cosmois*, 3)⁴⁶.

Принимая во внимание, что "телесный" здесь есть не что иное, как "материальный" (*hyle* – материя, вещество), то вполне очевидно, что такой мир должен находиться столь же далеко в глубине от средоточия космоса, сколь высоко находятся огненные эфирные выси. Именно это противопоставление имеет в виду Прокл, когда "телесный" находится у него в оппозиции к "огненному" и "эфирному" как тончайшей нематериальной субстанции (*Plat. theol. IV 39*).

---

⁴⁶ Там же. – С. 255.

В I гимне Прокла дается внушительная картина всеобщего кругового движения универсума. В этом движении всегда есть возврат к себе, что свидетельствует о вечности и нестарении космоса, а также создает мировое равновесие, поддерживаемое срединным положением Солнца в сердце космоса, изливающим из источника жизни ток гармонии на все миры, в том числе и на дольный мир. Отсюда – надежда на спасение человека, которому угрожает и хоровод Мойр, и вращение их веретен, и быстрый глаз Дики.

Целостность и завершенность космоса, представленная Проклом в I гимне, вполне соответствует эстетическому характеру сферического универсума в его комментариях к «Тимею», где все пронизано упорядоченностью, стремлением к единообразной красоте (I 149, 2), сопричастной уму и через него себя осуществляющей (401, 21-32).

Гимны Прокла представляют собой также беспримерное воспевание светоносной демиургии, мысли и красоты. То, что в пределах философско-логического следования мысли высказано в комментариях о созидающей роли огня и света, в поэтических гимнах приобретает характер неустанной похвалы и восторженного песнопения⁴⁷.

Тьма и мрак соседствуют здесь с представлением о "пучине" (*laitma*, I 30) и "бездне" жизни (*benthos*, III 3), о глубинах смерти и потоке забвения (*bathyscheumona lethēn*, 6; IV 8). Но над мрачным ущельем человеческого бытия боги зажигают (*harsamēnoi*) возводящий ввысь огонь (*pyr*, IV 2), будучи вождями пресветлой мудрости (IV 13). В надэфирных высях мчится Солнце, титан в колеснице с золотыми поводьями (I 1). Гелиос обитает в пресветлом чертоге (31), он обладатель умного огня (1, 7), раздаватель света (2), великий бог, увенчанный огнем (31, 33), блистающий круг в сердце мира (6), сам окружен планетами, опоясанными огнями (9). Афина мечет чистый молниенный свет (VII 31), Гефест – огненный супруг Афродиты (V 5-6), а музы – "светлоглаголевые" дочери Зевса (*aglaophonōys*, III 2).

---

⁴⁷ Там же. – С. 259.

Этот божественный свет чист (catharos) и священен (hagnos, I 40; III 7; IV 4, 6; VI 7; VII 31, 33). Он не имеет ничего общего с мрачным огнем, которым пылает земная материя, так же как водная бездна человеческой греховной жизни не имеет ничего общего с представлением об источнике бытия, который находится во власти богов (pege, I 2-3; II 2; VII 2), с представлением о токе гармонии, который изливает на мир Гелиос (I 3-4), или о том, как Пэан наполняет гармонией космос (23), как живородящие брызги посылаются на землю хороводами планет (9).

Еще один интересный художественно-философский образ в гимнах Прокла, который, как можно судить, не имеет по своей выразительности аналога в комментариях к «Тимею» - это образ души, странствующей по миру и ищущей пути к вечной жизни⁴⁸. О странствиях душ не раз говорится в комментариях к «Тимею» (I 58, 17; II 97,18; III 56, 23; 87, 21; 90, 25; 125, 1; 127, II. 18; 132, 30; 259, 4; 278, 14; 280, 21; 296, 9; 297, 7; 302, 18) при толковании пифагорейско-платонической традиции в связи с круговоротом, переселением, рождением и умиранием душ. Однако в гимнах Прокла возрождается то интимно-трогательное чувство потерянности человека в земном мире, отягченности его души земными грехами.

Души и род человеческий изображаются Проклом "блуждающими" по земле (aloomenas, III 3; IV 10-11; VII 32 или polyplagetoio, III 8). Они "ниспали" на берег рождений (9), "упав" в волны холодного человеческого рода (IV 10-11). Они "устали" на путях странствий (сесмеота, VI 11-12), попали в мрачное ущелье жизни (IV 3), отягчены злыми болезнями (VI 5). Душа здесь то плывет по жизни с помощью Афины, подающей тихие ветры (11-12; VII 47), то мечтает о счастливой пристани (hormon, VI 11-12; VII 32), ибо кормчицами мудрости являются боги (IV 1), которые – и это очень характерно для Прокла – именно с помощью света книжного знания рассеивают туман заблуждений (6). Здесь же – душа в виде путника, стремящегося по тропе, не-

⁴⁸Месяц С.В. Прокл // Античная философия: Энциклопедический словарь. - М., 2008. - С. 628.

сущей его ввысь (*hypsiphoreton*, 14), взыскующего сияющего "пути" жизни (*porgeien*, VI 4), который указуют боги (8). Боги "влекут" души людей, пробуждая и очищая их таинствами (7), а "стрекалами" (*centra*) страстей заставляют человека жаждать "озаренных огнем" небесных чертогов (II 5-6). Богиня Афина открывает перед человеком "врата" (*pyleonas*, VII 7), через которые пролегает божественная тропа мудрости. Итак, душа, как усталый путник, по крутой тропе поднимается к воротам умного знания и, как блуждающий мореплаватель, достигает наконец счастливой пристани вечной жизни. Этот образ многострадального путника восходит к одному из своих давних архетипов, а именно к гомеровскому Одиссею, не раз интерпретированному философской традицией, идущей от софистов и киников через стоицизм к неоплатонизму и нашедшей свое завершение в неоплатонической идее странствующей по миру души⁴⁹.

Странствующая душа в гимнах Прокла ищет спасения у Афины, открывающей перед ней врата мудрости. Комментарии Прокла к "Тимею" изобилуют символическими толкованиями платоновского текста. Рассказ египетского жреца Солону – символ истинной жизни души (I 109, 1). Миф о Гелиадах – символ судьбы душ (114, 7); Нил – символ космической жизни (96, 27-28). Война Афин с Атлантами – символ космических оппозиций (130, 11; 205, 11). Миф о Гефесте – символ творческой активности в отношении чувственного мира (42, 27). Молния, уничтожающая Фаэтона, – символ демиурга (112, 10) и т.д.

Однако среди множества подобных примеров мы не находим в комментариях Прокла столь целостной философско-художественной картины, осмысленной как глубочайший символ человеческой судьбы, которая поэтически живописуется в его гимнах. Здесь, в гимнах, на этой символической картине горестной судьбы человеческого рода и отдельного человека покоится отблеск какой-то личной заинтересованности философа-поэта, интимно-

⁴⁹*Тахо-Годи А.А.* Гимнография Прокла и ее художественная специфика // Вопросы классической филологии. Вып. 9. – М., 1987. – С. 179.

сти, неясной тоски – тех чувств, что являют читателю особый жизненный философский и теургический опыт самого Прокла.

Из известных нам сочинений Прокла не сохранились *Возражения против христиан* в 18 кн., комментарии к Гомеру и к *Трудам и дням* Гесиода, а также трактаты *О хрестоматии* в 2 кн., *О воспитании* в 2 кн., *О богах у Гомера*, *На богословие Орфея*, *Согласие Орфея, Пифагора и Платона с оракулами* в 10 кн., *О Великой Матери*.

Таким образом, письменное наследие Прокла колоссально. Только сохранившиеся сочинения по своему объему превосходят всё, что осталось от классической античности.

Его глубокая философия и поэзия – достойное завершение тысячелетнего развития античной мысли.

ГЛАВА II. ФИЛОСОФИЯ ПРОКЛА – АФИНСКИЙ НЕОПЛАТОНИЗМ

2.1. Картина мира. Учение о Едином

Согласно воззрениям неоплатоников, сущими были телесное, душа и ум. Ни одно из них само по себе не может претендовать на роль первого начала (очевидно, тождественного божеству), и, следовательно, такое начало будет не сущим, а сверхсущим или же тем, в чем участвует сущее. Ему, согласно Платону, соответствуют два имени: единое (используемое в диалоге «Парменид») и благо (в «Государстве»). Следовательно, если мы станем рассматривать его в качестве начала как такового, то оно будет началом каждого наличного бытия и единичностью, которая соответствует каждому сущему.

Далее, если мы хотим познать это начало, то ни одно из находящихся в нашем распоряжении знаний не годится для этого и единственное, что мы можем сделать,— это осознать собственную наглядную очевидность и наличное бытие. Что же касается соотнесения с сущим, то схема здесь получается несколько иная. Каждое сущее в своем наличном бытии обладает свойством единичности. Значит, если мы рассмотрим возникновение такого свойства, то получится, что должен существовать некий предмет, благодаря участию в котором оно появляется. И если имеется предмет сопричастности, то основанием для него оказывается такой же предмет, но в отношении участия не вступающий. Такова *генада сущего*.

Прокл придерживается того убеждения, что теология Платона является словно бы *синтезом* подходов к этой науке, и в нее были включены элементы тех или иных определений учения о божественном⁵⁰. Поскольку все те философские системы, которые были перечислены, появились уже после Платона, можно сделать следующий вывод: учение основателя Академии было своего рода универсальным истоком любых воззрений и все то, что бы-

⁵⁰Лосев А.Ф. История античной эстетики. Последние века. Книга II. – М.: АСТ – Харьков: Фолио, 2000. – С. 55.

ло сказано после него, оказывается лишь более или менее детальным комментарием к его сочинениям. Не случайно в неоплатонизме философия Аристотеля понималась только как введение к этой универсальной науке; то же можно сказать и о концепциях стоиков, эпикурейцев и т. д. Таким образом, неоплатонизм стал универсальной теолого-философской системой.

Учение о Едином у Прокла по сравнению с Плотиним получает дальнейшее развитие и стройное завершение⁵¹.

Как греческий неоплатоник, Прокл стремился обнаружить логическую и метафизическую структуру, в которой единство охватывает, но не душист разнообразие. Он предположил лежащее в основе универсума единство сущего и самого себя, Я, но стремился утверждать разнообразие мысли и существования. Это привело его к пониманию вещей как различных видов одного общего целого, каждая часть которого есть постигающая остальные, но своим собственным особенным, ограниченным способом. Есть последовательные уровни осознания, мысли и существования, которые выстраиваются от уровня обычного опыта, где мы постоянно сталкиваемся с мимолётным пониманием столь же мимолётного мира, до того последнего уровня, где мы созерцаем первоначала и полное целое неразличённым, сверхинтуицией. Рассудок, которому помогает воображение, поднимает нас к тому высшему состоянию, которое есть сразу же и основание религиозных и этических ценностей.

Прокл интересовался интегрированным пониманием природы вещей. Задающие вопросы о том, как и что именно мы знаем, наши восприятия и верования вызывают вопросы вида: каково начало познания? Какова природа ума? Вещей, которые мы мыслим и чувствуем? Сущего? Для Прокла даже вопросы о добродетели, моральном суждении и действии, Боге, вере и спасении — все разъясняются через отнесение их к вопросам об их началах и природе. Никакой предмет не избежал его внимания, включая в себя интерпре-

---

⁵¹Там же. — С. 61.

тацию поэтических трудов, где Прокл рассматривал язык как посредника для более глубоких истин. Философское исследование приводит к вопрошанию, какой именно порядок сущего лежит в основании вещей, в области ли ума, ценностей, науки или литературы.

Система Прокла сложна, и он использует технические термины (большинство из которых имеют корни в трудах Платона, Аристотеля и Плотина). Существуют различные комплексные концепции о нашей среде и о наших я, не потому что люди необходимо имеют яркие мечты, но потому что сама по себе реальность сложна. Наличие в нас проблеска знания означает некоторое единство между нашим умом и объектами мысли. Кроме того, единство существенно для тождества вещей, и без этого они были бы невысказанными, и концептуально нереальными.

Единое есть изначальный абсолют, и оно фундаментально⁵². Мыслитель, мысли и сущие есть нечто одно. Вещи не разъединены, но распределены по уровням постоянно увеличивающегося единства. Следовательно, вопросы о различных видах бытия, познании, благе ит.д., становятся вопросами об уровнях. Для неоплатоника понимание такой схемы вещей есть залог продвижения к благой жизни и достижения того, что со дней Платона восхваляли как цель человеческих стремлений, «истинное счастье» или *eudaimonia*.

Свою метафизическую позицию Прокл разделяет с неоплатониками. Он реалист в том плане, что принимает сущее, независимое от того, что мы, люди, думаем о нём. Но собственно сущее не есть физическое, потому что доступное пяти чувствам, является эпизодическим и иллюзорным. Вещи, которые существуют, доступны уму с условием, что такой ум и его идеи суть не только персональны, но и объективны, и универсальны⁵³.

В своём ответе на проблему единого/многого Прокл держится между постижением вещей как несоизмеримых и их неразличимого единства. Он

⁵²Trouillard J. *L'Un et l'ame selon Proclus*. – Paris, 1972. – P. 45.

⁵³См.: Месяц С.В. Метафизика Прокла: между мировоззрением и языковой игрой. Размышления над книгой Радека Члупа // *Философский журнал*. Т. 8. № 1. 2015. - С. 7.

использует правило смеси, сформулированное в теории материальных веществ Анаксагора, но которое во времена Платона было распространено на область ума и понятий: «Все находится во всем, используя способ, соответствующий каждому». Если вещи (мыслимые и материальные) в конечном счёте едины, то они не могут иметь чётких границ, различающих их, но должны пребывать в некотором смысле «все внутри всех». Сходство и несходство заменяет строгое тождество и различие. Это метафизическое ведёт к цепям «посредников», которыми знаменит Прокл⁵⁴.

Триадическое развитие системы Прокла обусловлено принципом: «Любые два полярные (прямо противоположные; x и не- x тоже считаются противоположными) термина имеют один или более посредника, которые более или менее подобны каждому полюсу». Этот принцип можно представить также как частный случай более общего принципа: «термины или понятия, различающиеся в чём-то, должны быть в чём-то схожи». Из последней формулировки видно, что для полагания противоположных терминов необходимо существование чего-то общего между ними. Этот посредник будет являться универсалией, что делает неизбежным вопрос о его онтологическом статусе, то есть выводит нас на проблему универсалий.

Итак, для Прокла чтобы мыслить, нужно различать, а чтобы было что-то различное, должно быть что-то общее. Это восходит к платоновскому положению, что мышление состоит в различении и соединении. Презумпция наличия чего-то общего между любыми мыслимыми вещами ведёт к полной немислимости Единого—первоначальной системы Прокла, поскольку наличие общего с чем-то другим аспекта противоречило бы его абсолютному единству. Различие в мыслимости обуславливает различие в способах существования мыслимого и Единого: первое существует постольку, поскольку определено, а второе— постольку, поскольку его существование является условием возможности любой определённости. Хотя тройственные лейтмотивы появ-

---

⁵⁴ Лосев А.Ф. История античной эстетики. Последние века. Книга II. – М.: АСТ – Харьков: Фолио, 2000. – С. 101.

ляются в подавляющем большинстве случаев, в действительности же можно вставить столько посредников, сколько потребуется.

Однако Прокл не признаёт, что все, что можно мыслить, заслуживает места в реальности: только те мыслимые вещи, которые не зависят от единичного ума (Комментарий на Парменид Платона, 1054, 895), но могут стоять уже на своём собственном основании (иначе говоря, основываться на своём собственном существовании, на своей собственной ипостаси). Задача философа состоит в том, чтобы обнаружить истинные подлинно сущие термины. Чтобы извлекать смысл из разнообразия, мы группируем вещи с общими характеристиками. Но это поднимает вопрос о статусе такой характеристики и о том, каково её отношение к группе и частям. Прокл различает три смысла целого, и признает все выводы из высказывания, что целое является суммой частей плюс причина его единства.

По существу целое есть монада, которая не может быть расчленена: она есть «целое до частей» (Первоосновы теологии, 67-69). Типовой характеристикой для группы в её чистом состоянии является такое нерасчленимое целое. Она полагается как прототип, который определяет и охватывает все возможные частные формы этой группы. Много частей целого выражают прототип, но неравноценно, потому что они имеют его в различных состояниях⁵⁵.

Тогда атрибут может рассматриваться как ряд, возглавляемый своим собственным прототипом (например, монадой жизни), за которым следует множество разнообразных форм, где этот же атрибут обнаруживается (например, жизнь животного, жизнь растения). В Платоновской философии отношение её материальным единичным вещам часто описывалось как причастность, потому что каждая единичная вещь не может быть объявлена обладающей всей Идеей.

Для позднего неоплатоника причастность распространяется и на отношения между концептуальными объектами, таким образом Прокл говорит в

---

⁵⁵ Лосев А.Ф. История античной эстетики. Последние века. Книга II. – М.: АСТ – Харьков: Фолио, 2000. – С. 103.

общих чертах о том, что «участвует в» и о ему «причастном». Проблема «причастности» (каким образом Идея может делиться и тем не менее поддерживать свою целостность) решается в прокловской теореме о целом и части: целое в самом себе есть на самом деле отделённая (от низшего) вещь, которая освобождена от непосредственного распространения в части: она является «непричастным» (Первоначала теологии).

Таким образом, мы достигаем триады «не допускающее причастности себе— допускающее причастность себе— причастное». Поскольку Прокл имеет дело с метафизическим порядком, где атрибут более совершен и реален, чем его субъект-подлежащее, он далее различает между подверженным причастности атрибутом, который завершён и овеществлён в самом себе, и подверженным причастности, который должен быть всегда в пределах частного, чтобы исполнять причастность⁵⁶.

Между полностью трансцендентным (неподверженным причастности или не допускающим причастности себе) атрибутом и полностью имманентным атрибутом (то есть атрибутом не только постигаемом нами, но зависящим в своём существовании от нашего мышления) находится самостоятельный имманентный атрибут. Этот посредник— основание точки зрения Прокла. Посредник указывает на объективные реальности (например, космические тела, определённые универсальные силы и свойства, духи) которые пребывают в пределах досягаемости нашего постижения, но независимы от нас⁵⁷.

Постоянное «истечение» от единства к множественности Прокл называет «исхождением» (эманация). Оно оставляет источник «пребывающим», неумаляемым. Вещь, которая «исходит», разбавляет характеристики источника и изменяется из-за условий, в которых она обнаруживается. Однако, то, что «нисходит» во множественность, никогда не разъединяет свою связь со своим первоначальным, чистым состоянием, иначе оно полностью потеряло

⁵⁶Там же. – С. 110.

⁵⁷Berger A. Proclus. Exposition de la doctrine. – Paris, 1940. –P. 111.

бы своё определение. «Возвращение» — тенденция или движение восстановления потерянного чистого определения (которое «пребывает» неизменным). Пребывание, исхождение, возвращение не суть отдельные статические состояния, но три различимых момента единого динамического процесса; всё подвергается всем этим моментам, находясь в противоречивом положении с Единым. Эти три процесса применяются к каждой форме, свойству или объекту. Источник этой триады имеется уже у Плотина.

Вещи состоят из уровней качеств соответствующих степеней реальности. Различные степени — также модусы (состояния), потому что они изменяют любую форму, свойство или объект «способом, соответствующим каждому». (Это — философское основание для большого числа специфических обстоятельств в словаре Прокла и последующих неоплатоников). Степени связаны в широкие уровни (в дополнение к единству), типичные: реальное существование, жизнь, ум, душа, природность и тело. Каждый уровень имеет свою «неподверженную причастности монаду», за которой следует множество, которое подвергается причастности: например, Ум и умы. Движение от одного уровня к другому включает в себя «снижение» (*hyphesis*) или «возвышение» (*anagoogee*). Свойства накапливаются последовательно: реальное существование имеет единство, жизнь имеет реальное существование и единство, ум имеет жизнь, реальное существование, и единство. Таким образом «возвышение» также является причиной некоторого аналитического возведения к первоначалам⁵⁸.

Прокл располагает уровни сущего по степеням совершенства (завершенности) и по степени общности (обе шкалы совпадают, так что более общее есть и более совершенное — Платоновская теология, III 20-6), по сути это инверсия Аристотелевской схемы ценностей. Душа превосходит тело, потому что она совершенствует его. Ум совершенствует душу, но также и является более общим, потому что даже животные имеют «след познания». Жизнь

⁵⁸ Шичалин Ю.А. Прокл и его преемники // *он же*. История античного платонизма в институциональном аспекте. — М.: ГЛК, 2000. — С. 266.

превосходит ум, потому что она является более общим понятием, большим по объему, и не может быть безжизненного ума. Существование, аналогично, выше, потому что даже неодушевлённые предметы имеют существование. Правило, которое выводится из теоремы целого/части Прокла: Чем ближе понятие к сущему, тем более общим оно является.

Самое большое единство, Единое, превосходит каждое возможное атрибутивное, положительное или отрицательное, и поэтому не может быть понято прямо. Оно превосходит само состояние существования, таким образом, Прокл называет его «не сущим» (Первоосновы теологии¹³⁸), то есть «до существующего». Это абсолютное метафизическое состояние совпадает с состоянием ценности, так как нерасчленённое единство — окончательное совершенство (завершённость), желаемое всеми. Единое тождественно Благу, и как высшее совершенство, ценность и причина, является Богом. Как полностью неподверженный причастности, Бог трансцендентен, непостижим и невыразим. Как единство, сущностное для всего, что существует, божественное сияние имманентно самому низшему материалу (Первоосновы теологии¹⁴⁵)⁵⁹.

Однако, Прокл тщательно отличает собственно божественность от обожествления по причастности (например, от божественного тела). В собственном смысле божественны только Единое и самогипостазирующиеся единства (Первоосновы теологии¹¹⁴). Непостижимое божество может быть приближено интеллектуально, через снятие атрибутирования (в христианском богословии это известно как апофатический путь к Богу), или по аналогии, заключая, на что Единое походит через свои собственные известные следствия. В конечном счёте люди могут достигать Единого, совмещая свою веру в него со своим собственным имманентным «единым» через магические и мистические действия.

---

⁵⁹ Там же. — С. 199.

Такая крайняя трансцендентность почти обречена на провал. Как Единое = Благо вообще могут соотноситься с сущим? Прокл отверг два Единых Ямвлиха (полностью трансцендентное и то, которое является причиной иного). Тем не менее, две основных проблемы — как сущее произведено от предсущего? Как разнообразие является результатом абсолютной простоты? — все еще не были решены. Отвечая на первую проблему, Прокл подчеркивает гипостазируемые начала: Предел и Беспредельное (и Провидение). В ответе на вторую проблему он различает множественность «единых», генад. Единое, по существу, есть предел, ведь нет ничего иного, кроме него. Это означает, что Единое не имеет никакой границы, наложенной на него: оно беспредельно в потенции. Пределы Беспредельное становятся отправными точками цепи причинности, которая производит уровни сущего. Предел поставяет определение и дискретность, а Беспредельное — «переполняющуюся» способность существовать в непрерывности⁶⁰.

Третий фактор — провиденциальная деятельность Единого, которое достигает самого низа, индивидуальных сущих и совершенствует их благодаря единству. Кроме того, если Единое — прототип единства, то оно должно быть главой многих подверженных причастности «единых», генад. Генада тогда — единство в ядре каждого существующего, и имеется столь же много генад, как и вещей, которые существуют. Собственно генады появляются в Пределе, Беспредельном и Провидении, и поэтому приносят семена различения в корень индивидуального разнообразия вещей.

Прокл выделяет далее единства, которые характерны для мышления без чувственного восприятия, которые относятся к вневременным или вечным объектам, это вид, которому поклоняются как богам разнообразные религии. Простые (не самогипостазирующиеся) генады суть генады, имманентные людям, животным, растениям, минералам, и так далее.

---

⁶⁰Лосев А.Ф. История античной эстетики. Последние века. Книга II. — М.: АСТ — Харьков: Фолио, 2000. — С. 199.

Самый высокий уровень, которого мысль только может достигнуть— реальное существование, или чистое существование, первая категория мыслимых сущностей. Это— объект мысли (ноетон) (Единое— вне мысли). Здесь содержание Единого приобретает свой первый уровень проявления, в том, что оно становится на самом деле существующими доступным для созерцания. Прокл рассматривает объект мысли как место для универсального образца, «парадигмы» (Платон, Тимей 31a) и как место для вечности. Затем он находит средний интеллигибельный уровень, соответствующий чистой Жизни, до того как она воплощена в живых существах. Жизнь означает способность умножать содержание целого⁶¹.

На последнем интеллигибельном уровне, мыслящем (ногон), пребывает Ум сам по себе. Отсюда и выше мы понимаем вещи непосредственно, как бы интуитивно. Сущность Ума— «чистое мышление», содержание Ума становится различным благодаря могуществу Ума, отождествленного с Реей (Кратил 402) и «Богиней» Халдейских Оракулов. Активное действие Ума приводит к творческой концепции вещей (роетикон) (Платон, Тимей 28c; Аристотель, О душе 430a12).

Творческий Ум есть БогДемииург(Платон, Тимей 29d-30c), тот, кто дает определённую форму физическому миру. Творец отличен от Единого, что явно контрастирует с христианской доктриной. Ум имеет два полярных созерцания: одно созерцает мыслимые сущности высшего и имеет интеллектуальные идеи и формы; другое вовлекается в создание времени, души и физических вещей обычного опыта.

Душа— то, что делает тело живым, является сущностью между на самом деле существующим и становящимся(Комментарий на Тимей Платона III 254.13-17). В Платоновской традиции душа колеблется между двумя областями: одна интеллигибельна и за пределами времени; другая является физической и ограничивается телом, пространством и временем. Прокл, таким об-

---

⁶¹ Там же. – С. 221.

разом, определяет сущность души как вневременную, но её деятельность— как действие во времени, потому что она не может реализовать все своё содержание сразу же, но должна развернуть его на преходящее время. Он выделяет «неподверженную причастности монаду» души, которая находится «выше (физического) мира» (*hyperkosmos*) и не связана ни с каким телом. Традиционная платоновская мировая душа (та, что движет космос способом, измеряемым наукой), хотя и является чем-то уникальным, теперь становится подверженной причастности душой, тело которой— вся материальная вселенная.

Характерные качества тела преподносятся как его природа (*physis*). В живых существах природа— инстинктивный, неразумный аспект жизни, который неотделим от функций тела. Природа может отличаться от собственно души (которая является целеустремлённой и отдельной от тела) и от чистого тела (которое пассивно само по себе). Однако природа часто группируется с душой или телом. «Неподверженная причастности» Природа парадоксальна (Как она может быть отдельной от тела?), что объясняет, почему Прокл явно не атрибутирует ей «генады, которые имеются выше и в (физическом) мире» (Платоновская теология VI). Природа имеет Необходимость, которая определяет физическое поведение. В самом деле, деятельность Природы создает тела непосредственно, и кажется, является монадическим источником тела; не существует неподверженного причастности тела. Тело, рассмотренное в самом себе— последнее из вещей, которые в некотором смысле существуют. Оно полностью инертно.

Живые существа двигаются из-за их витальности, а неодушевлённые— согласно их природе⁶². Для Прокла чистое тело— количество определённой формы с трехмерной протяжённостью. Материя, с другой стороны, не есть даже определенное существо, а возможность для чего-либо быть тем, что оно есть. В низшем конце метафизической шкалы объекты становятся постепен-

---

⁶² Там же. — С. 225.

но всё менее и менее сложными: живые существа без проблеска ума (растения), неодушевлённые, которые испытывают недостаток в жизни, и материя, которая испытывает недостаток даже в определённом сущем. То есть чем более общей и совершенной является причина, тем далее она простирает своё могущество.

На низших уровнях, вещи получают атрибуты исключительно более общего вида, не общие и особенные. Состав из свойств с максимальным их числом в ряду достигается на уровне явлений, который населяют люди. Начиная с него и вниз число частных свойств постепенно уменьшается. Таким образом, мы достигаем простоты двумя различными способами: в высшем смысле таково Единое; в низшем— материя.

По Проклу материя получает непрерывное, универсальное могущество и является непосредственным результатом распространения Единого на Беспредельное (в отличие от деления Платином материи на интеллигибельную материю и чувственную материю). Материя обладает известной степенью блага и ценности. Как и Единое, она является самой неясной и бесформенной: Единое является первичным по отношению к интеллигибельному определению, и материя вне его досягаемости. Это не означает, что Прокл полагал материальные объекты кратчайшим расстоянием до Единого. «Возвращение» к Единому— «возвышение» через уровни сущего в максимальном смысле, с более совершенными свойствами.

Прокл полностью отвергает существование зла как чего-то абсолютно-го. Он не обнаруживает его на любом из уровней сущего, и даже в материи, которая «является некоторым образом благой». Всё, включая в себя материю, имеет свои корни в Едином, которое есть Благо⁶³.

Если бы был источник для зла, тогда зло должно быть «вне даже полной нехватки существования ... далее, чем ничтожность несуществования» (Комментарий на Тимей I 374. 14-17). То, что обычно описывается как зло,

---

⁶³Chlup R. Proclus. An Introduction. – Cambridge: UP, 2012. – P. 18.

указывает на относительную слабость Блага: например, когда нечто неестественно, или когда оно является плохим для осуществления своей цели или несовершенным в некотором аспекте (I 375, 381); в человеческих действиях зло имеет место, когда преступники неосведомлены о том, что является наилучшим, и имеют слабый ум и душу (O Зле50, 40-6).

Так как зло— паразитарное и фиктивное существование (*parhypostasis*) (Платоновская теология I 84-85), то единственный реальный открытый выбор— преследование Блага. Это Благо мы не в состоянии достигнуть из-за невежества, несоответствия Благу средств достижения, эгоистичных страстей и других ограничений. Свобода действия тогда первоначально означает быть свободным от таких препятствий, как запрещение или искажение внутренне присущего человеку желания преследовать Благо.

Psychee (душа) есть живая, мыслящая сущность, а человек есть существо, обладающее душой⁶⁴. Душа противопоставляется совершенному уму (*nous*), который стоит выше пристрастий души. Каждая душа может быть причиной спонтанного движения. Различие, главным образом, лежит в способе, каким движение вызывается и поддерживается с помощью ментальных способностей души. Животная *psychee* проста. Она неразумна, и связана с чувственным восприятием и желаниями, хотя и имеет проблеск ума. Человеческая душа смешивает разумные и неразумные аспекты (не части, потому что сама по себе душа неразделима). Таким образом, люди могут вести широкий диапазон жизней в зависимости от того, насколько они позволяют одному аспекту своей души управлять другим.

Отражая сложность своей конституции, человеческий ум/душа имеет много способностей или сил. Неразумная сторона души имеет дело с внешними данными физического мира. С чувственным восприятием (*aistheesis*) душа получает чувственные качества материальных объектов через органы чувств. Разнообразные впечатления, «аффекты», в начале организуются в

---

⁶⁴Ibid. – P. 95.

объединённое впечатление. Затем, с помощью её способности, формирующей мнение (*doxa*), душа формирует базовые веры от органов чувств и любые суждения об источнике этих чувственных впечатлений. Наконец, душа визуализирует вещи внутри себя, благодаря её способности, создающей изображение (*phantasia*).

Разумная сторона души имеет дело с изливаниями от ума, когда использует свою самую высокую способность, называемую *логосом* (обоснование, определение и моделирование), индивидуальное сознание имеет доступ к «неистощимому источнику» идей и вдохновения. Но, будучи единичным, человеческое сознание признает их фрагментированными (не как мыслящие целостности). Душа имеет также свои собственные понятия: *psychee* никогда не было чистой доской, но доской, которая всегда надписана и всегда пишет саму себя и надписана умом (Комментарий на Первую Книгу Начал Эвклида 16. 8-10).

Понимание — результат ментальных дебатов между последовательными аргументами и утверждениями: то есть, оно есть результат дискурсивного рассуждения. Чтобы сравнивать различные понятия, разумная душа, кажется, использует своё собственное воображение (*phantasia*), и рассматривает представления понятий как проекции на экране сознания, происходящие из внутренних и внешних источников. Через согласование представлений душа может пополнять или исправлять впечатления от чувств.

Путешествие души является онтологическим, когда оно включает в себя цикл рождения и смерти, и эпистемологический, когда сознание вовлечено в низкие или более высокие занятия в течение времени жизни⁶⁵.

Тело, по Проклу, имеет несколько чувств. В самом простом случае тело — чистая космическая протяжённость, подобно тому, как это имеет место в случае тела неосязаемого света. Наделенное слоями качеств тело становится физическим телом нашего чувственного опыта. Когда душа нисходит в

⁶⁵*Martano G.* Proclo di Atene. L'ultima voce speculative del genio ellenico. — Napoli, 1974. — P. 28.

причастность, она приобретает ряд тел, называемых средствами передвижения (*oshaemata*). Каждая подверженная причастности душа имеет сначала тонкое, светящееся тело – средство передвижения (например, мировая душа имеет мировое пространство). Однако, любая душа, которая нисходит далее в физическую область, приобретает дальнейшее средство передвижения, составленное из четырех элементов, огня, воздуха, воды, земли. Наконец, те, которые воплощаются на земле (например, люди) приобретают их единичное телесное тело.

Таким образом, типы души соответствуют их степени причастности телу (что согласуется с общей метафизикой). Средства передвижения играли важную роль в религии. После смерти душа очищается, теряет свою неразумную природу и связанное с ней средство передвижения, состоящее из 4-х стихий. Она становится свободной для восхождения со своим светящимся средством передвижения⁶⁶.

Так как сущность человеческой жизни пребывает в бессмертной душе, которая отделима от физического тела, то Прокл придерживается Пифагорейско-платоновской доктрины переселения душ. Однако, он не полагает, что душа может перевоплотиться назад в эволюционном масштабе к полному сознанию. Ссылки на перевоплощения людей в животных (Платон, *Тимей* 42b-c), для Прокла имеют смысл, если рассматриваются в психологическом отношении, не биологически: то есть, человек может вести жизнь волка (если он несправедлив) или осла (если ненасытен), но не может быть перевоплощён в актуального волка или осла.

Через своих студентов (например, Аммония) и труды, Прокл повлиял на последующую греческую философию в её двух ведущих центрах, Афинах и Александрии, до конца античности в седьмом столетии. Его метафизическая система была адаптирована Псевдо-Дионисием Ареопагитом для христианской небесной иерархии.

---

⁶⁶ *Лосев А.Ф.* История античной эстетики. Последние века. Книга II. – М.: АСТ – Харьков: Фолио, 2000. – С. 211.

В свою очередь, это повлияло как на византийских мыслителей (Максим Исповедник, Иоанн Дамаскин), так и на таковых с латинского Запада.

2.2. Мифология и теургия

Если прочитать жизнеописание Прокла, написанное Марином, создается впечатление, что автор «Платоновской теологии» - вовсе не философ, а теург, проводящий время в молитвенных бдениях и постах, которому попросту некогда рассуждать и тем более изучать творчество предшественников и интерпретировать его с точки зрения метафизики.

Собственно, такого мнения и придерживается относительно неоплатоников большинство историков философии⁶⁷. И мы могли бы с ними согласиться, если бы не один момент: мы всегда можем открыть сочинения Прокла, Дамаския, Гермия, Симпликия и прочесть их. Если мы сделаем это, предварительно ознакомившись с «теургической» историко-философской мифологией неоплатонизма, то будем весьма удивлены, обнаружив, что ничего излишне благочестивого в трактатах и комментариях, принадлежащих перу этих авторов, нет.

Мы увидим весьма сложные формальные построения, близкие к математическим, тонкие логико-диалектические интерпретации и вообще все то, что можно было бы назвать глубокой и оригинальной философией, ни в чем не уступающей учениям нового времени, а в чем-то по широте охватываемых вопросов и по глубине изложения даже превосходящей их.

Что же касается теургических аллюзий, то обнаружить их, конечно, можно, но именно обнаружить: разбирая на протяжении длительного времени

---

⁶⁷Петров А.В. Феномен теургии. – СПб.: РХГИ, 2003. – Р. 211.

весьма сложные логические построения можно наконец обнаружить упоминание того же Прокла о его интересе к теургии.

Мифология для Прокла – максимально конкретное бытие. Поскольку всё начинается с Единого, то с него же, по мнению Прокла, начинается и мифология. Интеллектуальные боги есть проект мироздания.

В центре гимнов Прокла оказывается не миф о божестве, но человек, умоляющий своих высоких покровителей о достижении тихой пристани жизни, света знания, очищения от страстей и житейской суеты, об укреплении веры, в древние мифы и мудрость книг, о даровании силы для борьбы с врагами и для участия в делах народа. Перед нами не объективно-эпическое описание мифологии божества, а субъективность личного чувства поэта и ученого, самого Прокла, одинокого героя среди чуждой религии и обычаев, который уповает на помощь древних богов, тоже, однако, чуждых новому миру⁶⁸.

Поэт возвращает гимн к его истокам, к древнему ритуалу молитвы, обращенной к высшему существу. Однако философские гимны Прокла – не только прославление божества, что требовало по традиции его пространной биографии, украшенной великими подвигами и чудесами, как, например, в знаменитых гомеровских гимнах. Гимническая поэзия философа – это призыв о помощи, горячая убежденность в действенности непосредственной беседы со своим высоким покровителем. Вот почему такое важное место занимают в гимнах мольбы поэта, причем – просьбы духовного плана и лишь изредка бытовые, в то время как в гомеровских гимнах эти просьбы ограничиваются несколькими заключительными строками с повсюду одинаковым набором обычных и доступных материальных благ. В этом смысле характерны следующие композиционные соотношения размеров каждого гимна и личных молений Прокла, значительно меняющих традиционную гимническую структуру.

---

⁶⁸ Там же. – С. 219.

В целом мифология и теургия занимают важное место в философии Прокла, которая представляет собой наивысшее достижение афинского (и вообще) неоплатонизма, тщательно разработанную систему, в которой главное место занимает картина мира, учение о Едином, мифология и теургия.

Это универсальное учение, завершающее тысячелетнюю историю развития античной классической мысли.

ГЛАВА III. АФИНСКАЯ ШКОЛА ПРИ ПРОКЛЕ

3.1. Афинская школа как образовательная институция в V в.

Основателем Афинской школы неоплатонизма и ее первым схолархом стал *Плутарх Афинский*. Известно о нем нам мало, даже меньше, чем о Прокле или Дамаскии; биографию его можно отчасти восстановить лишь на основании косвенных упоминаний. Дед Плутарха был иерофантом, и, очевидно, то же самое положение занимал его отец, да и сам основатель Афинской школы.

Итак, *данная школа была изначально основана как школа теургическая*. Подтверждением тому служит то, что дочь Плутарха, Асклепигения, посвятила Прокла в смысл халдейских таинств и обрядов.

Афинские учителя, такие как Прокл и Дамаский, не давали своим студентам таких гарантий. Они были язычниками, их учение подчеркивало это язычество, и атмосфера в их школах не сделала ничего, чтобы преуменьшать этот факт.

На практическом уровне афинские учителя тоже признавали, что их школа предоставляла культурную подготовку, но они не желали предоставлять какие-либо гарантии для христиан, что их учение не носило бы религиозного характера. У них не было ни цели, ни стремления приспособить свое учение к потребностям меняющегося культурного мира. Эта позиция стала причиной их окончательного падения в VI в.

Афинская школа как образовательная институция продолжала сохранять традиции платоновской Академии, пользовалась безусловным авторитетом и привлекала студентов со всех концов империи. В эпоху руководства школы Проклом она в последний раз пережила величайший расцвет, конкурируя с богословскими высшими школами, и по многим позициям опережала их. Потребовалось прямое вмешательство христианского государства, чтобы закрыть школу в 529 г.

Школе повезло в том, что, несмотря на неожиданную смерть Сириана, не было больших проблем с тем, что Прокл должен был стать его преемником.⁶⁹ Сириан сделал это вполне ясным рядом способов. Попытка устроить брак между Проклом и Эдесией, членом семьи Сириана, была показателем высшей роли Прокла в школе.⁷⁰ Тем не менее, ничто не указывает на положение Прокла как назначенного преемника более, чем гробница Сириана, разработанная им самим. В обеспечение этой конструкции Сириан установил, что она должна быть построена как двойная гробница, в которую должно было быть помещено его тело, а также, когда придет время, также и Прокла.⁷¹

Через такую акцию Сириан выразил свою волю вполне ясно и, после его смерти, Прокл унаследовал строение, в котором была размещена школа, и велось обучение его «друзей» (*hetairoi*).⁷² Также кажется, что он взял (на себя) некоторую ответственность за образование других, менее развитых (подготовленных) студентов, которые поступали в школу.⁷³ Таким образом, быстрое преемство Прокла объясняется тем, что смерть Сириана вызвала мало сбоев в функционировании школы.

---

⁶⁹ То, что Прокл называл Сириана «отцом», а Плутарха «дедом» (*Vit. Procl.* 29), указывает на прямую преемственность по отношению к ним обоим. Упоминание Марина о том, что Домнин был также диадохом, т.е. «наследником» (*Vit. Procl.* 26) не должно пониматься как подразумеваемая прямая преемственность (в руководстве школой) после смерти Сириана. Заместитель-диадох всегда назначался, когда новый схолярх брал контроль над школой, что казалось частично умеренной мерой и выглядело корректно. Если это так, то Домнин не наследовал Сириану, но был назначен Проклом в свои преемники, если случится какое-либо несчастье.

⁷⁰ *Vit. Is. Ath.* 56; *Z fr.* 124.

⁷¹ *Vit. Procl.* 36.

⁷² О здании см. *Vit. Procl.* 29. Его контроль над обучением «друзей» может быть обнаружен только в доме Архиада. Марин говорит, что после смерти Сириана Прокл прошел путь от очередного «гетаира» Архиада до его учителя (*Vit. Procl.* 17).

⁷³ Он вел пять курсов в день, а также давал ежедневные лекции, которые не были основными, с подготовленным текстом для каждой из них (*Vit. Procl.* 22). Было бы трудно объяснить такую образовательную активность, если, по крайней мере, некоторые из видов его деятельности не были бы руководимы введенными в курс дела студентами.

Это событие не имело серьезного влияния на состояние преподавания в школе. Прокл продолжил учить по тому же самому определенному учебному плану относительно текстов Аристотеля и Платона, который существовал при Сириане,⁷⁴ но его прогрессивные курсы изучения выходили далеко за рамки этих основных текстов. И Марин, и Дамаский сделали ясным, что сам Прокл (точно) не придерживался текстов Платона и Аристотеля. Хотя Сириан был вынужден обучать орфическим и халдейским текстам даже свой внутренний круг студентов, Марин подробно излагает, что он и группа его последователей-«гетайров» слушали курс орфических текстов у Прокла.⁷⁵ В самом деле, тексты и смыслы этих гимнов были достаточно хорошо известны среди студентов, что когда Прокл лежал умирающим, «гетайры» школы сгрудились вокруг ложа и пели орфические строфы, чтобы доставить ему удовольствие.⁷⁶ Обучение Халдейским оракулам также играло важную роль в школе Прокла и кажется, что они были обязательной частью начального уровня обучения.⁷⁷

Регулярное изучение Проклом халдейских и орфических текстов было драматически убрано из учебного плана при Сириане. Хотя Сириан знал их и писал об этих религиозных текстах, он, по-видимому, не решался обучать им. Даже Прокл, его официальный преемник, «усвоил лишь некоторые остатки орфической и халдейской идеологии» потому, что «Сириан не говорил о них

---

⁷⁴ Сходство учебного плана Прокла с тем, по которому обучался сам Прокл, проистекает из «Жизни Прокла» Марина. См.: *Blumenthal H.J. Marinos' Life of Proclus: Neoplatonists Biography // Byzantion. 54. 1984. - P. 471-493.* «Жизнь Прокла» строится вокруг шкалы доблестей. Каждая из этих доблестей представляет стадию в собственном философском обучении Прокла, и их акцент сделан на очевидном – что они играют важную роль в учебном плане, как это было тогда, когда Прокл был жив.

⁷⁵ *Vit. Procl. 27.*

⁷⁶ *Vit. Procl. 20.* М. Эдвардс полагает, что, по такому случаю, эти стихи читались, но не пелись по памяти (*Edwards M. Neoplatonic Saints. – P. 89 n. 220.*)

⁷⁷ Известно о забавной истории, которую рассказывает Дамаский о своем учителе Исидоре. Исидор, по-видимому, возмущался некоторыми из требований Прокла и, «иногда в процессе халдейских ритуалов он показывал свое подражание воробьям, курам и другим птицам, хлопающим своими крыльями, как будто они готовились к полету». Излишне говорить, что «Прокл был ошеломлен Исидоровыми подражаниями крикам и другим видам шума, производимого птицами» (*Vit. Is. Ath. 59F; Z. Fr. 200.*)

и не обсуждал их с Проклом».⁷⁸ Похоже, что он решил обучать только тем предметам, которые Прокл умолил его вести, но и даже после того Сириан ограничил свою аудиторию двумя студентами. Очевидно, что в более широком принятии этой доктрины, пригодной для его студентов, Прокл имел различные наборы приоритетов.

Прокл также изучал другие религиозные темы со своими студентами. «Жизнь Прокла» включает заметки, описывающие религиозные ритуалы, которые он отправлял на регулярной основе. Это также указывает на то, что эти вещи имели отношение к школе.⁷⁹ В дополнение, этот же текст содержит дискуссии о чудесных деяниях, совершенных Проклом путем использования теургии.⁸⁰ Так как эти виды деятельности были весьма спорны, Марин не указывает, насколько широко они были распространены в школе. Он также сохраняет молчание о том, как широко были распространены теургические практики среди студентов Прокла. Очевидно, однако, что Марин и его современники были свидетелями многих проявлений теургической деятельности Прокла и, предположительно, обучились некоторым из этих техник.

Это снова контрастирует с положением при Сириане. До прибытия Прокла, говорит Марин, «Асклепигения одна переняла от отца и сохранила заветы оргий и всей теургической науки, идущей от великого Нестория».⁸¹ Не только Сириан преуменьшал роль теургии, кажется, что и сам Плутарх

---

⁷⁸Vit. Procl. 26.

⁷⁹Vit. Procl. 18: «Есть и общественные некоторые очищения: кто в здешней жизни с ними знаком, того они украшают, исправляют, тому они размеряют и умеряют душевные порывы, влечения и всяческие страсти, того они освобождают от ложных мнений. Но есть очищения и выше их: они отделяют и отрешают от нас все свинцовое бремя бытия, они открывают путь бегства из здешнего мира, и к ним-то прилежал наш философ во всей своей философствующей жизни: и на словах он изучал досконально, в чем они состоят и как совершаются в человеке, и жил он в совершенном соответствии с ними, всякий поступок свой направляя к такому отделению души, ночью и днем прибегая к отворотным молениям, к омовениям и ко всяким другим очищениям, и орфическим, и халдейским, а к приморскому бдению сходя неустанно каждый месяц, а то и дважды или трижды в месяц». Более полный перечень его религиозных практик можно найти в Vit. Procl. 19.

⁸⁰ Это, в любом случае, представлено как образцы его теургических доблестей. Обэтомсм. Vit. Procl. 28-29.

⁸¹Vit. Procl. 28. Несторий – отец Плутарха Афинского.

колебался, преподавать ли ее в своей школе. Акцент на теургию в школе Прокла, затем, отражает переход в центр внимания школы того, что совпадало с эволюцией Прокла в статусе схоларха.

В отличие от Сириана и Плутарха до него, «Прокл поместил теологию перед всеми другими ветвями философии».⁸² Данный вид обучения (предмет), который в школе Плутарха был известен, и тип студентов, которых, кажется, он привлекал, были, возможно, естественными для Прокла, который уделял больше внимания в своей школе религиозным элементам. Молодых язычников привлекали здесь доброжелательное отношение к религиозным переопределениям, потому что оно делало возможным, чтобы школа лучше служила их религиозным нуждам. Кажется, однако, что Прокл, возможно, зашел слишком далеко, даже в некоторых из своих пристрастий. Например, Исидору, по-видимому, было некомфортно с рвением его учителя, и тем, что он устанавливал пределы для себя, так что он не был потрясен религиозными доктринами при слишком юном возрасте.⁸³ Другие, возможно, хорошо чувствовали то же самое.

Интересы Прокла были даже более некомфортны и неподходящи для внешнего мира вокруг его школы. Он сместил акцент с (простого) обучения молодых людей на виртуозное обучение их быть добрыми язычниками. Это было весьма важное изменение. Даже если школа служила в качестве убежища для молодежи, изучавшей философское язычество при Плутархе и Сириане, это также служило общим образовательным нуждам студентов, которые хотели общего введения в философию. Афины имели еще живую группу риторических школ во времена деятельности Прокла и, по-видимому, существенное студенческое население.⁸⁴

---

⁸²Vit. Is. Ath. 59E; Z. fr. 134.

⁸³Vit. Is. Ath. 59C, D; Z. fr. 136, 137.

⁸⁴ В середине V в. афинские риторические школы были руководимы такими людьми как Суперриан (Vit. Is. Ath. 61; Z. Ep. 83, fr. 140) и Салюстий (Vit. Is. Ath. 60; Z. Ep. 81-82, fr. 138).

В то время как Прокл до сих пор казался привлекательным для некоторых из этих студентов,⁸⁵ те, кто знал о его акценте на религию, должен был почувствовать, что школа стала терять тех, кто пришел за общим образованием, которое сформировалось при его предшественниках. Это было опасно, потому что, пока как язычники, так и христиане могли теоретически соглашаться с профилем школы учить юношей поступать добродетельно, было намного сильнее делать так (школа становилась прочнее); когда же акцент на добродетельное поведение был неразрывно связан с языческими религиозными практиками, (было наоборот).

Невозможно оценить, как широко распространилось новое Проклово понимание учебного плана, но любой ответ подчеркивает и углубляет крайнюю нехватку тонкости руководства самого Прокла. Прокл был, безусловно, в курсе того, что изменения, которые он устанавливал в школе, должны были привести в замешательство афинских христиан. Тем не менее, кажется, что Прокл сам делал еще и еще (в этом направлении), и его студенты были (весьма) заметны в афинской общественной жизни. Прокл подстрекал своих студентов носить трибон, грубый плащ, традиционно ассоциировавшийся с философами.⁸⁶ Этим он хотел повысить видимую (степень) различия между его студентами и остальными людьми в городе.

Как и его студенты, Прокл сам имел отличную фигуру. Его внешний вид, возможно, отражал то, что он требовал от своих студентов и, относительно режима питания, он был заметно скромным.⁸⁷

Его преданность языческим культам и деятельности также выделяла его из прочих. Марин неясно сообщает о том, как Прокл публично отправлял

---

⁸⁵ Николай – ритор, который учил при Плутархе и Сириане, также, кажется, продолжал учить своих студентов при Прокле (Vit. Is. Ath. 64).

⁸⁶ «Прокл приказал Исидору изменить его внешний вид и носить трибон с целью высшей жизни. Исидор не послушался, хотя он почитал Прокла как бога» (Vit. Is. Ath. 59B; Z. Fr. 135). Олимпиодор (Olymp. Fr. 28=Phot. Bibl. Cod. 177-178) описывает церемонии IV в., в которых студентам давались привилегии за ношение трибона. Эти церемонии, однако, кажутся иными, нежели те, что описывает Дамаский в своем пассаже.

⁸⁷ Vit. Procl. 19.

свои религиозные действия, но его периодические процессии к различным святым местам не прошли незамеченными в городе, возможно, для 20-ти тысяч человек. Некоторые, но не все, из его теургических практик должны были иметь публичные проявления (выражения), особенно халдейские ритуалы, которые Прокл совершал для ослабления засухи в Аттике и спасения от землетрясений, которые должны были, вероятно, также и публичные формы выражения.⁸⁸

Прокл также взял на себя определенную политическую деятельность. Марин указывает, что «иногда философ сам заходил в городской совет ... разумно ориентировался в дискуссиях, (и) обращался к руководителям с вопросами о праве».⁸⁹ В самом деле, невзирая на личности, что даже его друзья признавали, что он был колюч,⁹⁰ Прокл стал самоназначенным общественным «оводом» в Афинах V в. Поэтому он не мог не стать более утомительным для городских христиан.

Все это вновь установленное различие сделало Прокла однозначно плохо подходящим для получения снисходительности со стороны власть имущих в Афинах V в. Он был молодым человеком, который вдруг возвысился на главные позиции в школе. Неожиданная смерть Сириана оставила Прокла без какой-либо реальной подготовки в том, как отвечать на административные и политические вызовы, которые вместе навалились на Афинскую неоплатоническую школу. Он также лишился личной дружбы, что могла бы усилить политическую поддержку школы со стороны города. Тогда как Сириан мог обратиться к Плутарху за помощью в первые годы своей работы в школе, Прокл остался для принятия решений наедине с собой. Это было опасное положение.

---

⁸⁸ Vit. Procl. 28.

⁸⁹ Vit. Procl. 15.

⁹⁰ Марин даже говорит, что он укорял тех, кого он осуждал за лень в их профессии (Vit. Procl. 16). Однако, позволительно усомниться в степени Прокловой общественной роли, которую он играл в городе.

Будучи бескомпромиссным по природе, Прокл и его относительная молодость, и его глубоко религиозные чувства должны были сделать его решительным и несклонным уступать политическим и религиозным силам, которые оказывали давление на школу в 430-е и 440-е годы. Без старшего, кто мог бы сдерживать его вызывающие импульсы, Прокл, казалось, действовал в согласии с его философскими и религиозными склонностями. Это были замечательные принципы, без сомнения, но, учитывая усиление власти христиан в Афинах V в., это не было мудрейшей из идей.

С Проклом, проявлявшим такие неоднозначные стороны личности, было лишь вопросом времени, что перед тем, как он найдет себя и его школу в великих делах, ожидают беды. Марин описывает этот момент неясными словами. «Время тогда случилось бурное и полное смятения⁹¹, буйные ветры сшибались над благозаконною его жизнью, а он, несмотря на опасность, продолжал жить, как жил, бестрепетно и стойко, и лишь когда зложелатели, словно гигантские коршуны, обрушились на него, как на добычу, он решил уступить ходу вещей и уехал из Афин в Азию. ... В Лидии он провел год, а затем произволением бога⁹² любомудрия вернулся в Афины». Несмотря на преднамеренное отсутствие ясности в сообщении Марина, не следует думать, что поездка Прокла в Азию была ничем иным, нежели изгнанием из Афин, даже если и была добровольной.

Должно быть, это был шокирующий опыт для молодого ученого, но в его трудах нет информации, что позволила бы датировать это событие. Не может быть сомнений, что это изгнание имело место в начале карьеры Прокла. Определенное политическое влияние, которое Прокл оказывал позднее и имел в своей жизни⁹³, в подавляющем большинстве положительно изобража-

---

⁹¹ Борьба за сохранение или отказ от языческой традиционной религии. Дата поездки Прокла в Азию неясна. Vit. Procl. 15. Об отождествлении «бога любомудрия» («философского бога») с Аполлоном см.: *Edwards M. Neoplatonic Saints*. - P. 80, n. 159.

⁹² В русском переводе – «богини».

⁹³ См. Vit. Procl. 16 с описанием его позднейшего влияния.

ется в источниках VI века, как, например, у Иоанна Малалы⁹⁴, и маловероятно, что его изгнание произошло в период расцвета деятельности Прокла как схоларха.⁹⁵ В такой же степени мало надежной информации об идентификации «человека как коршуна», ответственного за это изгнание. Нетрудно представить, что Прокл должен был приобрести огромное количество врагов в городе. Известно, к примеру, что Прокл поссорился со студентами Салюстия, армянского философа-софиста.⁹⁶ Салюстий, однако, окончил свои дни при дворе Марцеллина в Далмации, несчастливому узурпатору. Если он мог быть причиной изгнания Прокла, не было бы никаких оснований для Марина скрыть этот факт в красочных, но неопределенных словах «человек, подобный коршуну». Темные фразы, которые он выбирает, кажется, призваны спрятать указание на христианских оппонентов.

На протяжении «Жизни Прокла» христиане упоминаются в аллюзивных фразах типа «те, кто движут вещи, которые не должны двигаться».⁹⁷ Более того, определенная боязнь назвать христиан христианами прослеживается в «Жизни Исидора». Относительно этого факта, кажется вполне вероятным, что изгнание Прокла было вызвано деятельностью афинских христиан.⁹⁸

---

⁹⁴ Иоанн Малала дает примечание о его замечательных обстоятельствах изобретения своего рода напалма Проклом (Chron. XVI, 16) в 515 году. Прокл, конечно, умер в 485 г. Игнорирующий этот факт, но знающий о философской репутации Прокла, Малала делает довольно комичную историческую ошибку.

⁹⁵ Хотя годичное изгнание было бы трудно найти, учитывая наше плохое состояние хронологической информации о школе Прокла, был устойчивый поток студентов, определенно желавших учиться у него, начиная с 450-х гг. Так что очевидно, что лучше всего поместить изгнание в раннюю часть его карьеры. Л. Сиовранес связывает возвращение Прокла со смертью Феодосия II в 450 г. (Proclus, 28), не опираясь ни на какие доказательства. Учитывая подъем карьеры Прокла, кажется, что лучше представить, что изгнание имело место в начале 440-х гг. вместо конца этого десятилетия.

⁹⁶ Vit. Is. Ath. 68; Z. fr. 143.

⁹⁷ Vit. Procl. 30. Эта фраза восходит к Геродоту (VI, 134) и Порфирию (Abst. 87. 16), но М. Эдвардс (Neoplatonic Saints. – P. 105, n. 332) считает, что это пословица. Боязнь христиан очевидна в сомнениях Прокла обнародовать сведения о его чудесном излечении Асклепигенией. Указание возраста девушки и определение ее отца при этом событии должны указывать на то, что это случилось после изгнания Прокла.

⁹⁸ Вряд ли ответ Прокла на деконсекрацию Парфенона стал причиной его изгнания. Мы знаем, что Прокл был очень обеспокоен этим событием. Марин даже сообщает, что Прокл имел видение, в котором он был

Кажется, что Прокл после своего изгнания стал политически гораздо более смекалистым и, используя частные интересы, чтобы богатые язычники принимали участие в традиционных афинских религиозных установлениях, Прокл работал над тем, чтобы получить внешнюю политическую поддержку для своей школы. Одним из тех, кто, кажется, ответил на этот призыв, был знатный язычник Руфин, охарактеризованный Марином как «человек из элиты государства». Руфин был особенно впечатлительным поклонником Прокла, который сразу вскоре после возвращения последнего из изгнания, предложил учителю огромную сумму денег для поддержки школы и ее устремлений.⁹⁹

Возможно, не желая закладывать свою философскую независимость, идя по этому пути, Прокл отклонил эти деньги от своих рук. Не так быстро, однако, была отклонена политическая поддержка Руфина, которую он мог оказать ему. Марин и Дамаский делают различные неоднократные упоминания о представителях языческой знати, которые оказывали финансовую или политическую помощь школе Прокла.

Это были такие люди как магнат из Афродисии Асклепидот (ему Прокл посвятил «Комментарий к Пармениду») и афинский сенатор Феаген (которого Марин описывает как «наш благодетель»)¹⁰⁰. Они были остро заинтересованы в том, чтобы их богатство и влияние было обеспечено тем, чтобы Прокл продолжал свое преподавание. Даже перед лицом христианской оппозиции школа не оставалась без влиятельных друзей, которые были заинтересованы в ее процветании.

вопрошаем Афиной с просьбой вернуть ее в ее дом. Тем не менее, в тексте нет ничего, что подтвердило бы, что Прокл публично протестовал против этого события. «Жизнь Прокла» фактически создает впечатление, что были два совершенно разных события. В самом деле, если Прокл был категорически против удаления статуи, он должен был проявить героическое сопротивление. Можно было бы ожидать увидеть хотя бы упоминание об этом в тексте Марина.

⁹⁹Vit. Procl. 23.

¹⁰⁰ Феаген, возможно, был ребенком, когда Прокл был изгнан, но он в конце концов женился на девушке из семьи Плутарха, соединившись с этой фамилией, и было бы удивительно, если его семья не оказывала поддержку школе в то время.

Этот человек успокоил некоторые из протестов, которые спровоцировал Прокл, но кажется, что его трудности заставили Прокла понять, что он тоже надеется сдерживать свое поведение. Когда он провел теургическое лечение (очищение?) будущей жены Феагена – Асклепигении, в 450-е гг.,¹⁰¹ к примеру, Прокл сделал это потому, что «ускользнул от внимания многих людей и не предъявлял претензий тем, кто желал выдвинуть обвинение против него».¹⁰² Среди потенциальных обвинителей были, без сомнения, христиане, стремившиеся обвинить философа в совершении магических практик. После его изгнания, кажется, что Прокл был гораздо лучше осведомлен о христианской оппозиции к его школе и об их действительной политической власти. С этого момента Прокл был осторожен и стал конспириваться, насколько возможно.

Положение школы в результате его изгнания также заставила Прокла работать над новым объединением интересов в его школе тем языческим сенаторам, которые доминировали в афинской политической жизни. Он также сделал внука Плутарха Архиада школьным политическим защитником.¹⁰³ Марин говорит, что Прокл « побудил к этому делу Архиада, друга богов, сам же он всецело отдаться политике не мог, препятствуемый более важными заботами. Архиада он поучал и наставлял во всех доблестях и навыках политика; как учитель при бегуне, он советовал ему превзойти всех заботами о го-

---

¹⁰¹ Эгий (Гегий), сын Асклепигении, был подростком (юношей), когда он посещал классы Прокла в начале 480-х гг. Если кто полагал, что ему было 18 лет в 480 г. (исключительно ранний возраст для начала обучения философии на уровне высшего образования), его мать должна была родиться приблизительно между 440 и 450 гг. Когда Прокл вылечил (очистил) ее, она была девочкой, которая все еще жила с родителями (Vit. Procl. 29). Это подтверждается тем, что ее болезнь случилась где-то в конце 440-х гг. или (наиболее вероятно) в середине 450-х.

¹⁰² Vit. Procl. 29.

¹⁰³ М. Эдвардс (*Edwards M. Neoplatonic Saints.* – P. 75, n. 124) допускает возможность того, что «внука» лучше понимать метафорически. Тем не менее, позднейшая деятельность потомков Архиада показывает правильность того мнения, что он был связан с семьей Плутарха.

роде в целом и в то же время благодетельствовать каждому жителю в отдельности, следуя всем добродетелям, особенно же справедливости».¹⁰⁴

Архиад стал служить общественным голосом школы Прокла, и это был хороший выбор для такой должности. С тех пор как Прокл стал нежелательным элементом в городе, совет Афин, вероятно, проявлял немного интереса в рассмотрении школьных мнений и имел небольшое терпение для его попытки выразить их. Однако, Архиад был выходцем из знати, укоренившимся во влиятельной афинской семье Плутарха. Как и его дед, он тоже родился в среде афинской аристократии и, поэтому, он был более подходящим оратором, нежели плебей (аутсайдер) Прокл. Его одна родословная позволила бы Архиаду выразить школьные позиции в вопросах, касающихся ее, и в делах, которые совет должен был одобрить (или, по крайней мере, выслушать). Это было сделать еще проще тем фактом, что Архиад, как и его предки, деятельно служил в качестве общественного благотворителя в Афинах.¹⁰⁵

В определенном смысле, Архиад стал повторять роль, которую играл его дед. Он был одновременно активным членом местной аристократии и влиятельным местным лицом, которое могло использовать свое влияние в афинских политических делах для поддержки интересов школы.

В связи с ростом общественной роли Архиада, школа становилась сильнее и лучше защищенной. Такая помощь освобождала Прокла от волнений о возможности нового изгнания. Он стал в некотором роде политически свободным и говорил на общественных собраниях только по редким случаям, когда он был способен защитить права своих студентов.¹⁰⁶ Сторонясь таких случаев, Прокл служил преимущественно пассивной общественной фигурой,

---

¹⁰⁴Vit. Procl. 14. Возможно, что Прокл вообразил себе Архиада играющим такую роль даже еще до его изгнания. Затруднения Прокла могут быть объяснены частично его собственным выбором сделать участок Архиада местом, где он мог бы обучить молодого человека тому, что от него ожидают.

¹⁰⁵Vit. Procl. 14. О такой интерпретации этого пассажа см.: *Edwards M. Neoplatonic Saints.* – P. 77, n. 137).

¹⁰⁶Vit. Procl. 16.

которая пишет письма губернаторам от имени своих друзей и щедро раздает деньги афинянам.¹⁰⁷

Делегирование Проклом политического представления школы Архиаду и его закрытые отношения с другими знатными язычниками дали школе достаточно много политической и финансовой помощи, чтобы беспрепятственно выжить. В обстановке этой надежности и безопасности Прокл составлял комментарии к богословским сочинениям типа Халдейских оракулов, трудился над работами по языческой теологии, и писал тексты, предназначенные для опровержения христианского учения о творении.¹⁰⁸

В дополнение к преимуществам, которые школа получала от ее политического покровительства, материальная помощь, предоставляемая этими покровителями, была в равной мере важной.¹⁰⁹ Это позволило Проклу нанимать ассистентов и, по всей видимости, также сделало возможным для него предложить стипендии заинтересованным в них языческим студентам, которые не могли иначе позволить себе поездку в Афины.¹¹⁰

Привлечение множества новых студентов давало возможность им быть важными в обеспечении продолжения школьной известности (традиций) и распространения их учений.¹¹¹ Большинство таких студентов могли привле-

---

¹⁰⁷ Ibid., 16-17.

¹⁰⁸ Это последнее сочинение – провокационное «О вечности мира», которое впоследствии подверглось нападкам Иоанна Филопона.

¹⁰⁹ Хотя Марин говорит, что подарок Руфина Проклу был возвращен назад, Дамаский утверждает, что доход от школьных имуществ составлял тысячу солидов во времена Прокла. Была причина, по которой «как благочестивые влюбленные в обучение, умиравшие в различные времена, они оставляли философам достаточно денег для обеспечения лекций и спокойствия философской жизни» (Vit. Is. Ath. 102; Z. Ep. 158, fr. 265). Ясно, далее, что Прокл не смотрел искоса на все подарки школе, особенно когда умершие их спонсоры освобождали школу от любого возможного вмешательства.

¹¹⁰ Здесь фигурировала тысяча солидов, чего было достаточно, чтобы найти 15 учителей. Нигде около этого количества учителей даже не упоминается в источниках, так что вероятно, что некоторое количество из этих денег также раздавалась студентам как стипендия (как в случае многих школ IV в.).

¹¹¹ Нельзя сказать, что он (Прокл) принимал каждого студента, который желал (к нему) записаться. Нотарий Гиларий из Антиохии был отправлен назад Проклом за свой развратный образ жизни; он, возможно, был лишь одним из множества таких людей (Vit. Is. Ath. 91A; Z. Fr. 222-223). Марин говорит о щедрости Прокла, демонстрируемой членам семьи и его близким (Vit. Procl. 17) и, возможно, что Аммоний и Гелиодор, два

кать и обучать (новых адептов), увеличивая вероятность того, что их род философии по-прежнему доступен и может быть сохранен и распространен.

Популярность школы ретушировал тот факт, что она была совершенно оторвана от афинской политической и религиозной реальности, в которой христианство играло все большую роль. Сеть покровителей Прокла, которая была в состоянии привлечь как афинян, так и внешних людей, была единственным фактором, что делал возможным ее процветание в таком окружении.¹¹² Тем не менее, когда Прокл достиг могущества своих сил, школа процветала.

Школа Прокла имела способность привлекать и обучать огромное количество студентов из всех уголков империи. Некогда в Афинах лучшие из них могли быть включены в число его «гетайров» («друзей»). В самом деле, на поздних стадиях своей карьеры, (пользуясь) количеством и влиянием своих близких, Прокл мог публично запросить город повысить статус его гетайров и сделать их пригодными для общественной оплаты их питания.¹¹³ Это была старая традиция, восходившая к Александрийскому Мусейону и распространенная повсеместно в Средиземноморском мире. Это давало особый род узнавания большинства сформировавшихся ученых (закончивших обучение). Хотя, возможно, и не вполне, но Прокл требовал, чтобы его языческие приближенные были состоятельны в любой области, как великие интеллектуалы прошлого отражали различные реальности из тех, что он знал ранее в своей карьере.

Несмотря на свои прежние ошибки, Прокл, в конечном счете, разработал удивительно эффективную административную стратегию.

студента, отец которых умер и оставил семью по уши в долгах, могли получать некоторые преимущественные финансовые выплаты. Кроме того, возможно, что заявление Олимпиодора об Афинской школе как свободной от обучения (In. Alc. 140-141) описывает школу Прокла.

¹¹² Лучший пример внешних покровителей школы – это Асклепиодот Афродисийский.

¹¹³ «Содействовал он и распространению занятий словесными науками, и на себя принимая заботу об ученых, и правителей побуждая распределять между ними по заслугам разные (продовольственные) пособия и другие награды» (Vit. Procl. 16).

Известность и безопасность, которыми школа наслаждалась на вершине карьеры Прокла, зависели от репутации Прокла как ученого, и отношений, которые он установил с влиятельными язычниками. В этом смысле две эти вещи усиливали друг друга. Прокл мог достичь великой славы, потому что он имел политическую сообразительность, чтобы выжить и деятельно учить около пятидесяти лет. Иногда его долголетие и известность привлекали внимание и помощь со стороны (влиятельных) языческих аристократов, таких как Руфин, Феаген и Асклепидот. Эти факторы сделали многое для затемнения того факта, что путь, на котором он учил, был нежелателен для все большей и большей части афинского населения.

Христианские силы, которые первоначально были вынуждены отправить Прокла в изгнание, теперь присутствовали в городе (в большей степени) и, по всей вероятности, стремились в конечном счете избавиться от него. Их усилия, однако, ни к чему не привели, потому что Прокл предпринял ряд шагов для обеспечения безопасности своего положения.

Решение Прокла учить Архиада служить адвокатом интересов школы представляется наиболее действенным из этих шагов. В некотором смысле, это повторяет (воспроизводит) формулу, которую использовал Плутарх для своей школы, что дало так мало видимых возражений.

Большинство членов совета знали мало о том, что происходит во внутреннем круге школы Прокла. Большинство не заботилось об этом, но самые подозрительные из христиан, которые знали о религиозной деятельности Прокла, могли создавать причины для беспокойства. Когда Архиад представлял афинянам дружественный лик школы, она становилась менее зловеща, чем когда Прокл, немногословный и аскетичный ликиец, говорил об их интересах. Когда другие, такие как Феаген и Руфин также говорили от его имени, школа, вероятно, становилась даже более приемлемой.

Но время шло, и Прокл тоже становился знакомым лицом для афинян, тонко заверяя их, что это для них очень важно. Тем не менее, если их помощь становилась замкнутой, люди снова смотрели с подозрением на школу и ее

руководителей. Как понимал и Плутарх, жизнь школы Прокла решалась локальным осознанием его влияния и его деятельности. Позитивный общественный облик, который Архиад, Феаген и другие придавали этому предприятию, защищал его от излишнего внимания местных христиан и различных провинциальных чиновников, претендовавших на то, чтобы быть незнающими об их деятельности. Это также помогало Проклу развивать его общественное присутствие от слабого юноши до обладавшего безопасностью и уважением философа. В конечном счете, процветание школы Прокла есть свидетельство прочности ее политического механизма и гибкости его характера.

Когда смотришь на Афинскую школу неоплатонизма в первые три четверти V в., ее успехи в потенциально недружественном религиозном и общественном климате становятся особенно заметными. Эти успехи были обусловлены большей частью политическими чувствами руководителей этого учреждения. В начале V в. схолярх Плутарх использовал свои широкие связи среди афинской знати для защиты школы от негативного внимания христиан и провинциальных чиновников. При Прокле положение школы в рамках общества улучшилось.

Хотя политическая слабость когда-то вынудила Прокла уехать, ему в конце концов удалось сделать школу политически более мощной, чем даже при его предшественнике. Он сделал это, намеренно приняв низкий политический размер и выбрав Архиада, афинянина и внука Плутарха, спасти общественное лицо школы. Пока Архиад давал школе возможность местного присутствия, Прокл также руководил безопасной поддержкой многих богатых и влиятельных языческих землевладельцев как Аттики, так и других частей империи. Этот ряд покровителей и сторонников давал школе эффективную политическую защиту до тех пор, пока Прокл сохранял свое руководство¹¹⁴.

Прокл был ключом к успеху этого соглашения. Уважение, которым он пользовался как лицо великих интеллектуальных достижений и духовных

---

¹¹⁴Watts E. City and School in Late Antique Athens and Alexandria. – Berkeley-Los Angeles-London, 2006. – P. 72.

знаний, привлекало внимание влиятельных язычников и удерживало их от попыток влиять на дела школы. Когда он сошел со сцены, его преемникам пришлось зарабатывать такой же вид личного уважения. Если они не могли достичь этого, не было ничего, что предотвратило бы этих людей от боевых действий между собой за руководство школой.

Сам Прокл, кажется, осознавал опасность такой ситуации и, в конце своей жизни, он стал весьма обеспокоен по поводу выбора способного преемника. В его время в школе Прокл дважды был свидетелем передачи власти от сшоларха к преемнику.

Однажды, когда Сириан наследовал Плутарху, этот процесс прошел гладко. Сириан взял контроль над школой только после тщательно подготовленного процесса, во время которого Плутарх передавал ему все большее количество административных полномочий. В то же время, он инструктировал своего преемника в том, как лучше справиться с вызовами, стоявшими перед школой. Плутархово успешное обучение, затем, сделало легкой передачу его полномочий Сириану.

Если передача власти от Плутарха к Сириану была идеальной, то наследование Прокла Сириану - это хороший пример ситуации, которой следовало бы избежать. Сириан умер неожиданно и до тех пор не имел возможности обучить своего преемника. Прокл, молодой человек с огромным интеллектуальным даром, но без административного опыта, стремился стать главой школы. Без надлежащей подготовки или какого-либо реального ощущения того, как руководить политическими отношениями, которые влекло за собой его положение, Прокл имел очень неудачные первые несколько лет в качестве главы школы. И только со временем Прокл стал умелым руководителем дел школы¹¹⁵.

Извлекая уроки из своих ранних лет в качестве сшоларха в уме, Прокл посвящал огромную часть времени и внимания выбору и подготовке воз-

---

¹¹⁵Ibid. – P. 95.

можного преемника. Афинская школа неоплатонизма имела достаточно четкий порядок наследования. Каждый уходящий схолярх, по-видимому, выбирал как своего актуального преемника, так и заместителя, который помогал этому человеку.¹¹⁶ Когда Прокл стал главой школы в конце своих 20-х годов, его соученик Домнин, видимо, был назначен его заместителем.¹¹⁷ Возможно, в силу трудности двум людям сосуществовать под этим соглашением, Домнин постепенно оттеснялся Проклом на периферию.¹¹⁸ В 460-е гг., возможно, в начале, Домнин оставил школу Прокла, уехал из Афин и начал самостоятельно обучать в Сирии.¹¹⁹

Следующий человек, известный как назначенный Проклом заместитель был Марин. Марин имел интересную родословную. Урожденный самаритянин, Марин обратился в язычество в юном возрасте, а затем приехал в Афины учиться у Прокла.¹²⁰ В Афинах Марин развивал свои умения как математик и астроном с дополнительной подготовкой наперед в области философии.¹²¹ Так как математика и астрономия играли важную роль на ранних ступенях неоплатонического учебного плана, эти специализации составили капитал Марина в школе.

---

¹¹⁶ Так как заместитель, вероятно, должен был помогать на начальных этапах смены администрации, возможно, что он избирался, только когда смена администрации становилась неизбежной. Он также должен был предположительно назначать преемника, если новый схолярх неожиданно умирал.

¹¹⁷ Vit. Pricl. 26. Забавная история с визитом Домнина и Плутарха с дарами в святилище Асклепия (Vit. Is. Ath. 89A; Z. Ep. 134, fr. 218, 227) показывает, что Домнин был в школе, когда Плутарх был все еще относительно молод. Домнин был еще одним студентом (вместе с Проклом) в классе орфических гимнов, которым обучал Сириан, когда умер (Vit. Procl. 26).

¹¹⁸ Попытки Домнина писать философские сочинения получили такую враждебную реакцию в школе, что Прокл написал работу, опровергающую многие его интерпретации (Vit. Is. Ath. 89A; Z. Ep. 134).

¹¹⁹ Домнин учил в Сирии александрийца Асклепиодота, возможно, в конце 460-х гг. (Vit. Is. Ath. 93; Z. fr. 228).

¹²⁰ О его рождении и обращении см. Vit. Is. Ath. 97A; Z. Ep. 141. О егосамаритянском происхождении см.: *Hult K. Marinus the Samaritan: A Study of Vit. Is. Fr. 141 // Classica et Medievalia. 43. 1993. - P. 163-175.*

¹²¹ Математические и астрономические труды Марина можно увидеть в комментарии, который он составил к Евклида. Известно также, что он читал лекции на комментарий Паппа к 5 книге «Альмагеста».

Кроме того, осваивая этот род обучения, Марин также стал известен лекциями по Аристотелю.¹²² Эти обучающие компетенции оказались весьма полезны в школе, но даже более решающим для продвижения Марина стала его лояльность по отношению к Проклу. В отличие от Домнина, Марин не имел вопросов о том, на каком месте он находится в отношениях с Проклом, и не имел интереса к обсуждению его учительских идей. Он рассчитывал на работу под его покровительством и был готов сменить его в свое время.

Несмотря на это расположение, в начале 470-х гг. стало ясно, что в выборе Марина своим преемником, Прокл допустил один из немногих просчетов в своей поздней карьере. Марин имел ограниченные способности как философ-платоник.¹²³ Это было очевидное препятствие, но оказывается, что Прокл не беспокоился в той же степени за здоровье Марина.

В начале или середине 470-х гг. Марин был поражен хронической болезнью. Он никогда полностью уже не смог восстановиться, и болезнь наступала, чтобы наносить все больший урон его здоровью. Определяя свои планы в отношении Марина, можно понять, почему Прокл опасался, когда он «увидел, как угасает его тело».¹²⁴ Сам Прокл старел (он был в то время уже на се-

---

¹²²Vit. Is. Ath. 38A; Z. Ep. 42. Марин учился у Исидора аристотелевой философии, когда Исидор приехал (в Афины) в 470-е гг. Однако в этом пассаже предложение «он принял школу Прокла» связано с предложением «он наставлял Исидора в философии Аристотеля» словом *кад*, поэтому некорректно предполагать, что эти события соотносятся во времени. Исидор сам учил философию 10 лет, когда Марин принял школу Прокла. С тех пор как Аристотель стал основным введением в высшие философские исследования в неоплатоновском учебном плане, Марин, должно быть, учил этому Исидора задолго до того, как он стал помышлять о руководстве школой.

¹²³ Такова оценка Дамаския (Vit. Is. Ath. 97I; Z. Ep. 245), которая может отражать его опыт от личного знакомства с Марином. По существу, это несколько несправедливо. Описание Дамаскием философской продукции Марина основывается на текстах, написанных позднее, в конце жизни, когда он был довольно плох и неспособен вступать в споры. Спрашивается, как он мог представить человека, когда тот был на его высоте. Тем не менее, даже если эта характеристика просто приписывает Дамаскию собственный опыт, можно до сих пор поражаться тому, насколько интеллектуально небезопасным, кажется, был Марин.

¹²⁴ Vit. Is. Ath. 97K; Z. Ep. 147.

редине седьмого десятка (65)) и становился все менее в состоянии выполнить многие задачи, которые он намеревался сделать на регулярной основе.¹²⁵

И Прокл, и Марин, кажется, понимали, что нужно срочно искать и готовить способного философа, который смог бы быть назначен заместителем Марина и окончательным (следующим) преемником.

Было два варианта, на которых они могли остановиться в своих поисках. Во-первых, они могли попытаться найти выдающегося философа среди внутреннего круга гетайров Прокла. Такой метод всегда был более предпочтительным в древних школах, но Прокл, кажется, испытывал проблемы в сохранении членов своего внутреннего круга в школе, как только они завершали свою учебу. Многие из студентов Прокла приезжали в свою школу из-за границы, и многие из них возвращались домой и начинали преподавать, когда заканчивали свое обучение.¹²⁶

Помимо «домашних» кандидатов другая возможность Прокла заключалась в убеждении кого-либо из бывших гетайров возвратиться в Афины. Это было более проблематично, нежели простой выбор одного из нынешних гетайров школы. С точки зрения Прокла, существовала реальная опасность того, что во время его ухода из школы такой студент мог прийти до вопроса о доктринах Прокла, которым тот обучал.

Ненависть школы к неортодоксальному преподаванию делала это реальной заботой,¹²⁷ но кандидаты тоже должны были иметь заботу об этой ситуации. Однажды установившись, профессор рос так, что Прокл искал его, но

¹²⁵ О суровости ежедневного режима дня Прокла см.: Vit. Procl. 22, 26. Когда Проклу исполнилось 70 (в 480 г.), он мог недолго исполнять свои обязанности схоларха с какой-либо реальной силой (Vit. Procl. 26).

¹²⁶ Среди тех, кто возвращался и начинал преподавать в городах, откуда они были родом – Аммоний, Гелиодор, Асклепидот и Исидор.

¹²⁷ Как показывает судьба Домнина, его интерес к философской ортодоксии сыграл важную роль в определении интеллектуального климата в афинской неоплатонической школе (см. *Athanassiadi P. Persecution and Response in Late Paganism // Journal of Hellenic Studied.* 113. 1993. - P. 11-12; *Athanassiadi P. Philosophy and Power: The Creation of Orthodoxy in Neoplatonism // Philosophy and Power in the Graeco-Roman World / Ed. G. Clark, T. Rajak. Oxford, 2002. - P. 271-291).*

он, конечно, не решился бы оставить безопасное положение, чтобы приехать в Афины.

Прокл и Марин первоначально решили искать во внутреннем круге студента на эту должность. Их внимание незамедлительно обратилось на Исидора, александрийца, который уже завершал свое обучение в школе. Исидор приехал в Афины пополнить свое философское образование, которое он начал получать в Александрии и намеревался возвратиться в свой родной город после того, как время его обучения с Проклом закончится.

Перед его запланированным отъездом к Исидору подошел кто-то, вероятно, Марин, и попросил послужить назначенным преемником. Когда Исидор вначале проигнорировал это, к нему подошел Прокл.¹²⁸ Несмотря на это прямое обращение, Исидор был особо обеспокоен религиозными обязанностями этой должности и его невозможностью измерить их.¹²⁹ Исидор выразил эти сомнения Проклу и отклонил предложение.¹³⁰

Отказ Исидора оставил Прокла даже еще более обеспокоенным о будущем школы. В двух к несчастью кратких фрагментах «Жизни Исидора» мы узнаем, что «Прокл был напуган, что истинная Золотая Цепь Платона может покинуть наш город Афины», и «он был также испуган сообщениями о те-

---

¹²⁸Vit. Is. Ath. 98C; Z. Ep. 150, fr. 250-252. «Жизнь Исидора» описывает три поездки, которые Исидор предпринимал в Афины. Первая из них, предпринятая около 470 г., была приездом для начала обучения у Прокла. Вторую поездку он совершил в 485 г., когда его достигли новости о том, что Прокл – на грани смерти (Vit. Is. Ath. 125A, B; Z. Ep. 188, fr. 327). Третья последовала с его бегством из Александрии в 488 г. (Vit. Is. Ath. 141B; Z. Ep. 207). Так как Прокл фигурировал в этом эпизоде, его обращение к Исидору должно было происходить во время первого пребывания того в Афинах. Марин уточняет, что Прокл был не в состоянии следовать за разговором в конце своей жизни (Vit. Procl. 20). Это делает крайне маловероятным, что он сделал бы такое обращение к Исидору в то время. Так как Прокл умер в 485 г., третий приезд Исидора был очевидно невозможен.

¹²⁹ «Еще более важное значение в преемстве было подчеркнuto словами Прокла, менее склонного убедить Исидора стать таковым, так как он чувствовал, что бремя становится таким сильным для него, что его почти нельзя вынести» (Vit. Is. Ath. 98C; Z. fr. 252).

¹³⁰ Vit. Is. Ath. 98D; Z. fr. 253.

лесной слабости, которой страдал Марин».¹³¹ Казалось, что он затем решил расширить поиски кандидата, так чтобы в них включить членов его ближнего круга, как прошлых, так и нынешних. Это привело Прокла к вызову Асклепиодота в Афины. Этот человек, который был помолвлен с дочерью Проклова благодетеля, Асклепиодот из Афродисии, также когда-то учился у Прокла.¹³² Прокл и Асклепиодот высоко ценили друг друга и, когда он получил устное приглашение от Прокла, Асклепиодот поспешил в Афины.¹³³ Прокл был уверен, что Асклепиодот – лучшая фигура для этой должности, и когда он прибыл в Афины, показалось, что Асклепиодот был чем-то разочарован. В результате, Прокл решил не предлагать Асклепиодоту занять вакантную должность.¹³⁴

После отвода Асклепиодота Прокл в своих поисках вернулся к членам своей школы. Фрагмент из «Жизни Исидора» указывает, что Зенодот, человек, названный «дорогим для Прокла»¹³⁵, был в конце концов выбран, чтобы занять третье место в иерархии школы. Хотя нам очень мало известно о нем, очевидно, что Зенодот хорошо подходил для этой должности. Марин специализировался в области математики, а Зенодот интересовался теоретической философией¹³⁶. Его выдвижение обеспечило продолжение того, что школой будет руководить традиционный философ.

¹³¹ Vit. Is. Ath. 98E, F; Z. Ep. 151-152. Страх Прокла за разрыв афинской платонической традиции возник из его беспокойства за физическое состояние Марина.

¹³² Об этой помолвке и браке см. Vit. Is. Ath. 86A-G; Z. fr. 202, 204-205, 208, 210-211, 130. Он и его жена Дамиана также фигурируют в «Жизни Севера» Захарии Схоластика.

¹³³ Vit. Is. Ath. 99A; Z. Ep. 153, fr. 255. Приводя выражение из текста Прокла, ясно, что Прокл кого-то вызвал в Афины после Исидора, отказавшись от своего предложения. Описание Асклепиодота в тексте убеждает, что он был этим вторым выбранным кандидатом.

¹³⁴ Асклепиодот мог быть кандидатом, о котором Дамаский отзывается так: «Он был разъярен, так как он не был выбран, но он не показывал это в то время» (Vit. Is. Ath. 99C; Z. fr. 148).

¹³⁵ Vit. Is. Ath. 99B; Z. Ep. 154. Зенодот не был единственным, кто рассматривался как возможный преемник, но даже среди «финалистов» этого отбора.

¹³⁶ Контраст между интересами Марина и Зенодота определялся из преподавательскими компетенциями. Когда Дамаский учился в Афинах, Марин учил его математике и научным дисциплинам, тогда как Зенодот обучал его более традиционным философским курсам. ВследзаП. Афанассиади (Damascius: ThePhilosophi-

Прокл питал великую привязанность к Зенодоту и Марину, но он, кажется, понимал, что они оба несколько ограничены. Эти двое были лояльными, но посредственными кандидатами. Однако, в более поздней части своей жизни Прокл нашел молодого студента, который имел потенциал стать мыслителем наравне с ним самим и его предшественниками.

Этот молодой человек, Эгий, был внуком Архиада и сыном Феагена, сенаторского покровителя Афинской неоплатонической школы. Уже по своему знатному происхождению Эгий имел незаурядный ученый потенциал. Дамаский пишет о нем: «Когда он был еще подростком¹³⁷, [Эгий] надеялся сам и подавал надежды всем, кроме того, что он не уступал великому Плутарху. Действительно, Прокл счел его достойным, когда он был еще юношей¹³⁸, [участвовать в] его семинаре по Халдейским оракулам»¹³⁹.

Эгий поступил в школу в самом начале 480-х гг. В это время Проклу было около 70 лет, и уже обозначившийся его физический и умственный упадок становился все более явным¹⁴⁰. Когда профессор достиг соответствующего возраста и состояния, то, как это было принято, он передал многие из обязанностей, возложенных на главу школы, своему преемнику¹⁴¹. Однако, Прокл, кажется, позволил поразительному потенциалу Эгия сорвать его выход на пенсию. «В этом расслаблении более всего побуждал его к продолже-

---

calHistory. - Athens, 1999. - P. 44, n. 74) можно поддержать мнение о том, что Марин умер до того, как Дамаский достиг стадии, когда он изучал теоретическую философию. Это возможно, но порой мы не можем быть уверены в этом. Однако, интересно, что мы даже не имеем свидетельств о том, что Марин обучал теоретической философии.

¹³⁷ Μετρίκιον – это слово обычно передают как юный, приблизительно лет 12-ти.

¹³⁸ Νέον – хотя и менее специфично в упоминании, нежели Μετρίκιον, указывает на то, что Эгий был еще по-прежнему необычно молод для того, чтобы вести данный тип обучения.

¹³⁹ Vit. Is. Ath. 145B; Z. fr. 351.

¹⁴⁰ Vit. Procl. 26.

¹⁴¹ Марин замечает следующее об этой стадии жизни Прокла: «Тело его изнурилось и на семидесятом году впало в немощь, ослабев для всякого труда. Хотя он по-прежнему творил молитвы и слагал песнопения, по-прежнему кое-что писал и беседовал с друзьями, но прежних сил для всего этого уже не имел» (Vit. Procl. 26). Марин и Зенодот, безусловно, должны были быть приняты до наступления его административной и преподавательской слабости.

нию ученых толкований молодой Гегий, с детства являвший все признаки наследственных добродетелей... Беседа с Проклом о Платоновом и ином богословии, он выказывал великое прилежание»¹⁴².

Это была, конечно, привычная картина для Афинской неоплатонической школы. Плутарх, пра-пра-дедушка Эгия, принес ту же жертву, чтобы научить Прокла в 430-х гг.¹⁴³ То, что Плутарх сделал для него, Прокл делал особые усилия, чтобы обучить юного Эгия. Он, должно быть, почувствовал, что этот юный студент имеет потенциал стать лучшим из всех, кого он учил. Это должно было оказать сильное влияние на Прокла.

Если этот студент реализовал бы все, что в нем было заложено, он смог бы сохранить репутацию Прокла как великого учителя. Более важно, что наставляя Эгия, Прокл гарантировал, что доктрины, которым он обучал, продолжат усваиваться следующими поколениями учителей. Так как ставки были настолько велики, Прокл позволил Эгию начать вести продвинутые курсы в области философии и богословия, включая его главный семинар по Халдейским оракулам, без завершения полного курса начального уровня его образования.

Так как Прокл вступил в последние годы своей жизни, он имел причины быть как оптимистом, так и пессимистом относительно будущего своей школы. Ему удалось создать механизм преемственности, который, как минимум, в теории, гарантировал институциональную и доктринальную преемственность Афинской школы. Марин был обеспечен в качестве его преемника, а на случай, если что-нибудь случится с ним, Зенодот был готов принять власть. Борьба за преемство была наибольшей угрозой до конца существования античных школ, и Прокл мог надеяться, что его дела в конце 470-х гг. снимут возможность возникновения такой борьбы. Помимо своего непосредственного преемника, Прокл также нашел в Эгии молодого студента, который был способен возглавить школу в поколении, следующем после Марина.

---

¹⁴²Vit. Procl. 26.

¹⁴³Vit. Procl. 12.

Потенциальная стабильность, которая возникла из этой ясности в деле преемства казалась хорошим предзнаменованием для будущего школы.

Эта ясность стоила достаточно дорого. Механизм отбора, который Прокл использовал при выборе заместителя Марина, отвратил от школы как бывших студентов, так и, что более важно, некоторых из влиятельных людей, от которых зависела политическая поддержка школы. Это было особенно верно в случае с Асклепидотом из Афродисии.

Его зять приехал в Афины, ожидая, что Прокл предложит ему должность и вернулся в разочаровании. Никто не мог предположить, что в этих обстоятельствах Асклепидот продолжит тратить много времени, пытаясь помочт школе. Даже Эгий, великая надежда для будущего школы, не был полностью беспроблемной фигурой.

В то время как он был прямым потомком Плутарха схоларха и Архиада, Эгий был плодом брака, организованного социально уважаемым, но бедным Архиадом, и богатой семьей Феагена¹⁴⁴. Феаген был более богатым и влиятельным партнером в браке и, как таковой, он имел мало терпения для протокола философской школы¹⁴⁵. Эгий, кажется, унаследовал в некотором смысле часть его чувства права. Имелась очень реальная вероятность того, что Эгий получит беспокойное время ожидания как Марина, так и Зенодота, когда те сойдут со сцены.

Однако, когда Прокл умер в апреле 485 г., его скорбящие сподвижники были, вероятно, оптимистами относительно того, что его дела по обеспечению упорядоченного преемства помешают школе впасть в раздоры внутренней борьбы. Проблемы, которые причиняли его дела, должны были казаться довольно далекими. Но в случае активации эти проблемы могли прийти в школу более быстрыми темпами, чем кто-либо мог ожидать. За короткое время все договоренности Прокла были полностью отменены.

---

¹⁴⁴ О финансовом положении Архиада в то время см. Vit. Is. Ath. 105A; Z. fr. 273.

¹⁴⁵ Vit. Is. Ath. 97J; Z. fr. 245.

3.2. «Дом Прокла» - здание Афинской школы

Археологи определили группу домов IV-V вв., построенных на склонах ареопага в Афинах, как, возможно, принадлежащих учителям и использовавшихся для обучения.¹⁴⁶ Эти четыре дома отличались исключительными размерами по отношению к среднему афинскому дому, и были богаты скульптурой.¹⁴⁷ Во всех них, координационный центр - большой зал предшествует перистильному двору и заканчивается, как правило, в апсиде с нишами для статуй. Хотя апсиды нет в самом большом из этих домов, его широкий зал с нишами, подходящий для скульптур, кажется, имел ту же самую функцию, что и многочисленные апсиды номеров.¹⁴⁸ Вполне вероятно, что эти залы были *theatra* и использовались для обучения и лекций.

Похожая большая комната с выходом на широкую апсиду видна в остатках просторного и более роскошного дома на южной стороне Акрополя. Дом предположительно принадлежал Плутарху, главе неоплатонической школы в Афинах, который он передал своим преемникам Сириану и Проклу.¹⁴⁹ Сходство с домами ареопага укрепляет гипотезу, что последние также принадлежали учителям: во всех этих зданиях, частные, домашние помещения появляются вместе с большим залом, пригодным для преподавания и чтения лекций.¹⁵⁰

¹⁴⁶Frantz, Alison. Late Antiquity: A.D. 267–700 / The Athenian Agora 24. - Princeton, 1988. - P. 37–48.

¹⁴⁷ Статуи Геракла и Гермеса, бога риторики, похоже, особенно подходили для образовательной среды.

¹⁴⁸ П. Афанассиади (*Athanassiadi, Polymnia*. *Damascius, thePhilosophicalHistory*. - Aramea, Greece, 1999. - P. 343-347) сделала правдоподобное предположение, что этот дом (С) завещал философ Дамаский в V веке в качестве резиденции и помещения для преподавания для него и для других философов.

¹⁴⁹ Пассаж в *Vita Procli*, 29, написанный Марином, преемником Прокла, определяет его местоположение. *Karivieri A. The 'House of Proclus' on the Southern Slope of the Acropolis. A Contribution // Castren P., ed. Post-Herulian Athens. Aspects of Live and Culture in Athens, A. D. 267–529. - Helsinki, 1994. - P. 115–140.*

¹⁵⁰См. *Edwards M.J. Neoplatonic Saints. The Lives of Plotinus and Proclus by their Students. - Liverpool, 2000.*

Рассмотрим два комплекса археологических раскопок в центре Афин.¹⁵¹ Один из них – это здание, расположенное на южном склоне Акрополя, и теперь лежащей под улицей Дионисия Ареопагита, известное как Дом Chi, или «Дом Прокла». Второй - дома В и С на склоне ареопага с видом на афинскую Агору.

Марин пишет о Доме Прокла (*VitaProcli* 29) так: «Даже место, в котором он жил, очень ему помогало. Ведь по благополучному стечению обстоятельств, тот дом, который он делил со своим “отцом” Сирианом и Плутархом, им самим именуемым “дедом”, очень подходил ему, будучи расположен рядом с прославленным Софоклом святилищем Асклепия и [храмом] Диониса у Театра, так что стоящий на Акрополе мог его видеть или, по крайней мере, различить.

Соответствующий описанию Марина обширный комплекс зданий, расположенный на южном склоне Акрополя между Одеоном Герода Аттика и Театром Диониса, был действительно обнаружен и раскопан в 1955 г. К сожалению, городские власти отвели археологам совсем немного времени для изучения памятника, так как в этом месте планировалась масштабная реконструкция. Центральная часть комплекса была раскопана, подробно описана, и значимые находки переданы в музей Акрополя. Теперь над домом Прокла проходит пешеходная улица Дионисиу Ареопагиту, а расширение комплекса, уходящее под современные здания, изучено лишь частично, в основном благодаря работам по строительству метро и нового музея Акрополя¹⁵².

П. Кастрен полагает, что «Дом Прокла был виден с Акрополя, а также иным каким-то образом проявлялся, очевидно, из-за значительного объема

¹⁵¹*Afonasin, Eugene; Afonasina, Anna. The Houses of Philosophical Schools in Athens // ΣΧΟΛΗ. Vol. 8. 1. 2014. - P. 9-23; Frantz A., Tompson H., Travlos J. The Athenian Agora. Results of Excavations conducted by the American School of Classical Studies at Athens. Vol. XXIV: Late Antiquity, A.D. 267–700. - Princeton, 1988.*

¹⁵²*Afonasin E., Afonasina A. The Houses of Philosophical Schools in Athens // ΣΧΟΛΗ. Vol. 8. 1. 2014. - P. 12; Афонасин Е.В., Афонасина А.С. Неоплатонический Асклепий // ΣΧΟΛΗ. Vol. 10. 1. 2016. - С. 180-181.*

строительства, сразу ниже глаз зрителя». М. Эдвардс¹⁵³ предложил считать, что это означает, что дом стал виден с акрополя только тогда, когда святыня Асклепия была разрушена («виден, или, если не стало видно, с акрополя Афины»). Идея, по мнению Е.В. Афонасина, привлекательна тем, что ее можно было бы использовать для косвенного свидетельства о разрушении храма. Но если это действительно так, то почему Марин, упомянув снесение храма за несколько строк до пассажа, задает вопрос, а не просто констатирует это? Мы принимаем мнение о том, что "кто-то стоящий на Акрополе мог видеть дом с некоторым трудом."¹⁵⁴

Здание в окончательном виде было построено, видимо, в период между концом IV и началом V вв., только северная часть области была раскопана, потому что остальное ушло под площадь, занимаемую современными домами, в задних дворах которых можно наблюдать свои следы пола мозаики¹⁵⁵. «Это был не обычный дом по афинским стандартам. В большой комнате открывалась широкая апсида (6,60 м в ширину, 4,40 м в глубину), нижняя часть стены апсиды была покрыта плитами мраморной облицовки. Над облицовкой толщина стенки уменьшается, и здесь семь ниш подходят для скульптуры (как в домах ареопага). Полы в обеих частях комнаты были покрыты мозаикой сложных геометрических узоров, апсида подчеркивается тем, что ее пол положен на более высоком уровне. На наружной поверхности восточной стены апсиды был небольшой храм Кибелы, который были определен по статуэтке богини в нише стены. Статуя имела базу, погребальная резьба на переднем плане служила для приношений. Обе части скульптуры были вновь использованы в этих позициях ...»¹⁵⁶

¹⁵³Edwards M.J. Neoplatonic Saints. The Lives of Plotinus and Proclus by their Students. - Liverpool, 2000. - P. 104, n. 329.

¹⁵⁴См. Afonasin E., Afonasina A. The Houses of Philosophical Schools in Athens // ΣΧΟΛΗ. Vol. 8. 1. 2014. - P. 11-12.

¹⁵⁵ Ibid.

¹⁵⁶Frantz A., Tompson H., Travlos J. The Athenian Agora. Results of Excavations conducted by the Americal School of Classical Studies at Athens. Vol. XXIV: Late Antiquity, A. D. 267–700. - Princeton, N. J., 1988. - P. 43.

Как отмечает Е.В. Афонасин, здание, ныне обозначаемое как «дом Chi», могло быть идентифицировано с домом, принадлежащим семье Плутарха и связанным с именами основателя Афинской школы неоплатонизма и его самого близкого соратника - Сириана и Прокла. Действительно, в дополнение к очевидному, он идеально соответствует описанию Марина, и ясно относится к типу зданий, используемых в античности, как выразилась Э. Франц, «для сбора аудитории и размещения лекции, и называемых обычно "философскими школами»». В равной степени важно, что здание, кажется, использовалось непрерывно в течение V века, но было оставлено в VI веке.

Идентификация также подтверждается находками художественных произведений и надписью, иллюстрирующими религиозные и интеллектуальные интересы его жителей. Помимо святыни Кибелы и различных религиозных объектов (даже жертвенный нож в шее поросенка), и многочисленные предметы обихода (лампы, вазы и т.д.), в здании и его непосредственной близости были обнаружены многочисленные статуи богов (в том числе, статуя Изиды), портрет, предварительно идентифицированный как философ; и надпись со словами σοφίης и βίονος. Глава философов (некоторые полагают, - это Плутарх), датируется V в. также происходит из окрестностей¹⁵⁷.

Захоронение годовалого поросенка, обнаруженное под «домом Прокла», – это очень примечательное открытие (см. рис. 5 в Приложении). По неизвестным причинам жертвенный нож был оставлен в горле животного, а рядом с ним было разложено семь ламп (одна – с изображением бегущего Эрота) и вазы. Лампы - новые и ранее не использовались. Хотя ни одного случая принесения в жертву животного в неоплатонической школе не упоминается в письменных источниках, Марин сообщает, что Прокл лично испытывал «огненные видения» Гекаты, будучи посвящен в эти таинства дочерью Плутарха Асклепигенеей и даже вызывал дождь.¹⁵⁸ Так что найденный в

¹⁵⁷Caruso A. Akademia. Archeologia di una scuola filosofica ad Atene da Platone a Proclo (387a.C. – 485 d.C.). - Athens: Scuola archeologica italiana di Atene, 2013. –P. 167.

¹⁵⁸Афонасин Е.В., Афонасина А.С. Неоплатонический Асклепий // СХОЛН. Vol. 10. 1. 2016. - С. 180-181.

«доме Прокла» жертвенный поросенок свидетельствует о том, что подобного рода жертвоприношения могли быть частью нормальной религиозной практики неоплатонической школы.¹⁵⁹

Но это вполне может быть частью более сложного обряда, посвященного Матери Богов, который осуществлялся в частном порядке (или даже тайно), так как соответствующая святыня находилась в доме и, по Марину, неоплатоники поклонялись Матери Богов в ее различных ипостасях (ср. *Vita Procli*, 19). Кровь животного была также надлежащим приношением Лунной богине, или Гекате,¹⁶⁰ в то время как по *Jul. Orat.* 5.177В-С свинья могла быть подходящим приношением для богов подземного мира. Марин упоминает и другие жертвы, практиковавшиеся в неоплатонической школе, и постоянно подчеркивает интимные отношения Прокла с богами, особенно Асклепием и женскими божествами плодородия, которые простирались от Луны до Гекаты и Кибелы.¹⁶¹ По мнению Е.В. Афонасиной, данная сумма ритуалов может указывать на сложный обряд встречи самой Афины.¹⁶²

По Агафию Схоластику (Об императоре Юстиниане, 2.30.3) последнему главе Академии Дамаскию (ок. 458 - после 538 гг.) удалось оживить школу и собрать в Афинах лучших философов со всего мира эллинизма. Но философы уже были изгнаны из «Дома Прокла» родственниками Плутарха (юридическими владельцами здания), а сам дом был широко перестроен или даже заброшен, так что он должен был найти другое место для своей школы.¹⁶³

Большой центральный зал - общая черта всех домов района ареопага, а также Дома Прокла (Дом Chi) - ясно показывает, что здания служили некото-

¹⁵⁹Там же. - С. 182.

¹⁶⁰*Karivieri A.* The 'House of Proclus' on the Southern Slope of the Acropolis. A Contribution // *Post-Herulian Athens. Aspects of Live and Culture in Athens, A. D. 267–529.* Helsinki, 1994. - P. 135-136.

¹⁶¹*Afonasin E., Afonasiina A.* The Houses of Philosophical Schools in Athens // *ΣΧΟΛΗ.* Vol. 8. 1. 2014. - P. 21.

¹⁶²*Афонасин Е.В., Афонасинова А.С.* Неоплатонический Асклепий // *ΣΧΟΛΗ.* Vol. 10. 1. 2016. - С. 183.

¹⁶³*Karivieri A.* The 'House of Proclus' on the Southern Slope of the Acropolis. A Contribution // *Post-Herulian Athens. Aspects of Live and Culture in Athens, A. D. 267–529.* - Helsinki, 1994. - P. 115–140.

рым общественным целям. В залах и прилегающих к Перистиллю нефах по общему признанию - прекрасные места для образовательных или религиозных собраний, проводимых в частном порядке. Помещения, которые окружают центральный зал, могли быть использованы в качестве аудитории для семинара, кабинета или частного жилища.

В любом случае, здание этого типа, слишком просторное для частных кварталов и не подходящее для официального использования, могло также использоваться для размещения частного образовательного учреждения.

Наиболее важной особенностью Дома С является нимфейон, ведущий вниз от юго-восточного угла центрального перистилия с двумя мраморными ступенями, фланкированными мраморными колоннами в небольшом триклинии (ок. 3x3,50 м). На его восточной стороне в жилой апсидальной комнате был устроен полукруглый бассейн ... Мотивацией для этой конструкции была, очевидно, доступность воды из тонкого домашнего фонтана, в который поступала вода из родника, расположенного выше холма.¹⁶⁴

Таким образом, «Дом Прокла» - наиболее известное с точки зрения материальной культуры школьное здание Поздней античности, по которому мы можем вообще судить о зданиях для высших школ Поздней античности¹⁶⁵.

¹⁶⁴ Afonasin E., Afonasin A. The Houses of Philosophical Schools in Athens // ΣΧΟΛΗ. Vol. 8. 1. 2014. - P. 17-18.

¹⁶⁵ См: Болгова А.М., Болгов Н.Н. Школа Прокла Диадоха и Афины V в. // Власть и общество: проблемы взаимоотношений. – Воронеж: ВГУ, 2016. – С. 269-274.

Заключение

Итак, у Прокла представлена качественно разработанная диалектика бытия и мифа, теология и теософия, теургия, а также своеобразная эстетика и этика.

Этическое воззрение Прокла является в то же время и космологическим; человека, по утверждению Прокла, нужно рассматривать точно так же, «как весь космос, потому что и человек представляет собою маленький космос. А именно, он обладает умом, логосом, божественным и смертным телом, подобно Вселенной».

Прокла отличает не столько оригинальность, сколько систематичность и детальная аналитичность. Философия Прокла оценивается как «завершение» античного неоплатонизма, доведение его до последней «логической зрелости».

А.Ф. Лосев называл Прокла «гением рассудка»; с рассудочностью, доведенной «до музыки, до пафоса, до экстаза».

Лосев ставил Прокла даже выше основателя школы Плотина, «в отношении огромной аналитической силы его ума, большого разнообразия его интересов в отношении мастерства микроскопических исследований отвлеченнейшего логического предмета, а также в отношении тончайшего философско-филологического вникания в текст Платона».

В этом отношении интересно сравнение Плотина и Прокла, проводимое Ю.А. Шичалиным: «То, что Плотин прозревал в экстатическом порыве, Прокл открывает на кончике пера. Прокл никогда не видел генад, но с точностью описал их, указав их местоположение между уровнем единого и умом, а также описал множество промежуточных ступеней между остальными ступенями иерархической структуры».

Пожалуй, самая замечательная оценка Прокла заключается в том, что этот последний великий мыслитель античного мира, живший в эпоху его за-

ката и гибели, видится самым счастливым из людей; при этом речь идет «о некотором совершеннейшем и всецелом счастье».

«Прокл – это огромная величина мирового значения, несравнимая ни с каким другим схолархом Платоновской Академии за несколько столетий ее существования. И вождем Академии он был в течение достаточно долгого времени, то есть в течение нескольких десятилетий» (А.Ф. Лосев).

В отличие от основателя неоплатонизма Плотина, который давно уже стал признанным классиком философской мысли, Прокл по-прежнему остается известен только горстке специалистов. Причины этого – объективная сложность его метафизической системы, а также ориентированность произведений на подготовленного читателя, хорошо разбирающегося в хитросплетениях неоплатонической метафизики. Барьер понимания, отделяющий от нас сочинения Прокла, способны преодолеть только самые терпеливые читатели. Вот почему круг знатоков Прокла так тесен, и вот почему знакомство с его творчеством хорошо было бы начинать с простого и доступного введения в его философию.

Афинская школа неоплатонизма при Прокле не только стала великим и последним центром позднеантичной учености, но и последним местом совершения теургических практик, уже в христианизированном обществе Афин¹⁶⁶.

Именно в школе, благодаря четкой организации и отлаженному механизму функционирования, Прокл смог спокойно работать и создал огромное количество трудов.

Личность Прокла имеет выдающееся значение для истории Поздней античности и античности вообще. Именно поэтому, на наш взгляд, необходима активизация исследований его необъятного наследия.

---

¹⁶⁶Frantz A. Pagan Philosophers in Christian Athens // PAPHS. 119. 1975. - P. 29–38.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

1. Евагрий Схоластик. Церковная история в 6 кн. / Пер. В.И. Кривушина. - СПб.: Алетейя, 1999-2003. - 3 т.
2. Из комментариев Прокла к платоновским диалогам «Тимей», «Государство», «Кратил» // *Петров А.В.* Феномен теургии. – СПб.: РХГИ, 2003. – С. 215-359.
3. Иоанн Малала. Хронография / Мир поздней античности. Документы и материалы. Вып. 2, 6, 7. – Белгород, 2014-2016.
4. Марин. Прокл, или О счастье // Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. – М., 1979. – С. 477-493.
5. Марцеллин Комит. Хроника. – Белгород: БелГУ, 2010. – 210 с.
6. Прокл. Комментарий к «Пармениду» Платона / Пер. Л.Ю. Лукомского. – СПб.: Мирь, 2006. – 896 с.
7. Прокл. Комментарий к первой книге «Начал» Евклида / Пер. А.И. Щетникова. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2013.
8. Прокл. Комментарий к первой книге «Начал» Евклида. Введение. - М., 1994. – 222 с.
9. Прокл. Комментарии на «Кратила» Платона (избранные фрагменты) / Пер. А.В. Петрова // Академия. Вып. 2. - СПб., 2000. - С. 274-305.
10. Прокл. Начала физики / Пер. С. Месяц. - М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2001. - 120 с.
11. Прокл. О самостоятельном существовании зла / Пер. Т.Ю. Бородай // *Бородай Т.Ю.* Рождение философского понятия. - М., 2008. - С. 200-280.
12. Прокл. Первоосновы теологии. Гимны. - М.: Прогресс, 1993. – 322 с.
13. Прокл. Платоновская теология / Пер. Л.Ю. Лукомского. – СПб.: РХГИ, Летний Сад, 2001. – 620 с.

14. Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Пер. и коммент. А.А. Чекаловой. – М.: Наука, 1993. – 571 с.
15. Созомена Эрмия Церковная история. – СПб.: СПбДА, 1861. – 636 с.
16. Сократ Схоластик. Церковная история / Пер. СПбДА под ред. И.В. Кривушина. – М.: РОССПЭН, 1996. – 368 с.
17. Chronicon Paschale 284-628 A.D. / Ed. Michael and Mary Whittby / Translated Texts for Historians. Vol. 7. - Liverpool: University Press, 1989. - 282 p.
18. Proclus. Commentaire sur le Parménide de Platon. – Paris, 2007-2010.
19. Proclus. Commentaire sur le République. Trad. et notes par A. G. Festugiere. Vol. 1-3. - Paris, 1970.
20. Proclus. Commentaire sur le Timée / Trad. et notes par A. G. Festugiere. - Paris, 1966-1968.
21. Proclus. On the eternity of the World / Greek text with introd., tr. and comm. by H.S. Lang, A.D. Marco. - Berkeley, 2001.
22. Proclus. Sur le premier Alcibiade de Platon. - Paris, 2003.
23. Proclus. Théologie platonicienne. 6 vol. Texte établi et traduit par L. G. Westerink et H. D. Saffrey. - P., 1968-1997.

Исследования

1. *Афонасин Е.В., Афонасина А.С.* Неоплатонический Асклепий // СХОЛН. Vol. 10. 1. 2016. - С. 180-189.
2. *Болгов Н.Н., Литовченко Е.В., Смирницких Т.В.* Поздняя античность: специфика эпохи и новые подходы к изучению // Гуманитарная наука в современной России: состояние, проблемы, перспективы развития: материалы IX регион. науч.-практ. конф.: в 2 тт. – Белгород, 2007. – Т.1. – С. 47-55.
3. *Болгова А.М., Болгов Н.Н.* Школа Прокла Диадоча и Афины V в. // Власть и общество: проблемы взаимоотношений. – Воронеж: ВГУ, 2016. – С. 269-274.

4. *Болгова А.М.* К проблеме закрытия Афинской школы 529 г. // Известия УрФУ. 2. 2016. - Екатеринбург, 2016. – С. 26-34.

5. *Болгова А.М.* Плутарх Афинский и Афинская школа (ок. 390-432 гг.) // Иресиона. Вып. V. К 30-летию кафедры всеобщей истории НИУ «БелГУ». – Белгород, 2016. – С. 26-39.

6. *Ващева И.Ю.* Концепция Поздней античности в современной исторической науке // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2009. № 6 (1). - С. 220–231.

7. *Лосев А.Ф.* История античной эстетики. Последние века. Книга II. – М.: АСТ – Харьков: Фолио, 2000. – 544 с.

8. *Лукомский Л.Ю.* Афинская школа неоплатонизма и комментарий Прокла к «Пармениду» Платона // Прокл. Комментарий к «Пармениду» Платона. – СПб.: Мирь, 2006. – С. 693-721.

9. *Лукомский Л.Ю.* Прокл Диадок и главный труд его жизни – «Платоновская теология» // Прокл. Платоновская теология. – СПб.: РХГИ, Летний Сад, 2001. – С. 509-527.

10. *Ляпустина Е.В.* Поздняя античность - общество в изменении // Переходные эпохи в социальном измерении. История и современность. – М., 2002. – С. 31-46.

11. *Месяц С.В.* Прокл // Античная философия: Энциклопедический словарь. - М., 2008. - С. 628-643.

12. *Месяц С.В.* Метафизика Прокла: между мировоззрением и языковой игрой. Размышления над книгой Радека Члупа // Философский журнал. Т. 8. № 1. 2015. - С. 7-22.

13. *Петров А.В.* К истории религиозно-философской мысли поздней античности (учение Прокла о магических именах) // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 1995. Вып. 4. – С. 15-21.

14. *Петров А.В.* Прокловская теория мифа // Академия. Материалы и исследования по истории платонизма. Вып. 1. – М., 1997. – С. 252-278.

15. *Петров А.В.* Феномен теургии. – СПб.: РХГИ, 2003. – 416 с.

16. *Реале Дж., Антисери Д.* Прокл: последний самобытный голос языческой античности // *они же*. Западная философия от истоков до наших дней. Т. 1: Античность. – СПб., 1994. – С. 253-255.
17. *Самодурова, З.Г.* Школы и образование // *Культура Византии*. IV – первая половина VII вв. – М.: Наука, 1984. – С. 478-503.
18. *Селунская Н.А.* Late Antiquity: историческая концепция, историографическая традиция и семинар «Empires Unlimited» // *ВДИ*. 2005. № 1. - С. 249–253.
19. *Тахо-Годи А.А.* Гимнография Прокла и ее художественная специфика // *Вопросы классической филологии*. Вып. 9. – М., 1987. – С. 177-212.
20. *Шичалин Ю.А.* Прокл и его преемники // *он же*. История античного платонизма в институциональном аспекте. – М.: ГЛК, 2000. – С. 266-300.
21. *Afonasin E., Afonasina A.* The Houses of Philosophical Schools in Athens // *ΣΧΟΛΗ*. Vol. 8. 1. 2014. - P. 9-23.
22. *Athanassiadi P.* Persecution and Response in Late Paganism // *Journal of Hellenic Studied*. 113. 1993. - P. 11-12.
23. *Athanassiadi P.* Philosophy and Power: The Creation of Orthodoxy in Neoplatonism // *Philosophy and Power in the Graeco-Roman World / Ed. G. Clark, T. Rajak*. Oxford, 2002. - P. 271-291.
24. *Berger A.* Proclus. Exposition de la doctrine. – Paris, 1940. – 488 p.
25. *Biervaltes W.* Proklos. Grundzuge seiner Metaphysik. – Frankfurt am Main, 1965. – 544 S.
26. *Blumenthal H.J.* Marinus' Life of Proclus: Neoplatonists Biography // *Byzantion*. 54. 1984. - P. 471-493.
27. *Caruso A.* Akademia. Archeologia di una scuola filosofica ad Atene da Platone a Proclo (387a.C. – 485 d.C.). - Athens: Scuola archeologica italiana di Atene, 2013. – 224 p.
28. *Castrén P.* Paganism and Christianity in Athens and Vicinity during the Fourth to Sixth Centuries A.D. // *G.P. Brogiolo, B. Ward-Perkins, eds. The Idea*

and Ideal of the Town between Late Antiquity and the Early Middle Ages. - Leiden, 1999. - P. 211–225.

29. *Castrén P.*, ed. Post-Herulian Athens: Aspects of Life and Culture in Athens, AD 267–529. - Helsinki, 1994. – 410 p.

30. *Chlup R.* Proclus. An Introduction. – Cambridge: UP, 2012. – 328 p.

31. *DeForest, Dallas.* Between Mysteries and Factions: Initiation Rituals, Student Groups, and Violence in the Schools of Late Antique Athens // *Journal of Late Antiquity*. Volume 4, Number 2. 2011. - P. 315-342.

32. *Edwards M.J.* Neoplatonic Saints. The Lives of Plotinus and Proclus by their Students. - Liverpool, 2000. – 412 p.

33. *Frantz A.* From Paganism to Christianity in the Temples of Athens // *DOP*. 19. 1965. - P. 187–205.

34. *Frantz A.* Pagan Philosophers in Christian Athens // *PAPhS*. 119. 1975. - P. 29–38.

35. *Frantz A.* The Athenian Agora: Late Antiquity, AD 267–700. - Princeton, 1988. – 633 p.

36. *Kaldellis A.* The Christian Parthenon: Classicism and Pilgrimage in Byzantine Athens. - Cambridge, 2009. – 272 p.

37. *Karivieri A.* The ‘House of Proclus’ on the Southern Slope of the Acropolis. A Contribution // *Post-Herulian Athens. Aspects of Live and Culture in Athens, A. D. 267–529.* - Helsinki, 1994. - P. 115–140.

38. *Late Antiquity. A Guide to the Postclassical World / Ed. by G.W. Bowersock, P. Brown, O. Grabar.* - Cambridge Mass., 1999.

39. *Luz M.* Marinus: An Eretz Israel Neoplatonist at Athens // *Greece and Rome in Eretz Israel.* – Jerusalem, 1992. – P. 92-104.

40. *Martano G.* Proclo di Atene. L’ultima voce speculative del genio ellenico. – Napoli, 1974. – 234 p.

41. *Rosan L.J.* The Philosophy of Proclus. The Final Phase of Ancient Thought. – New York, 1949. – 455 p.

42. *Trouillard J.* L’Un et l’ame selon Proclus. – Paris, 1972. – 349 p.

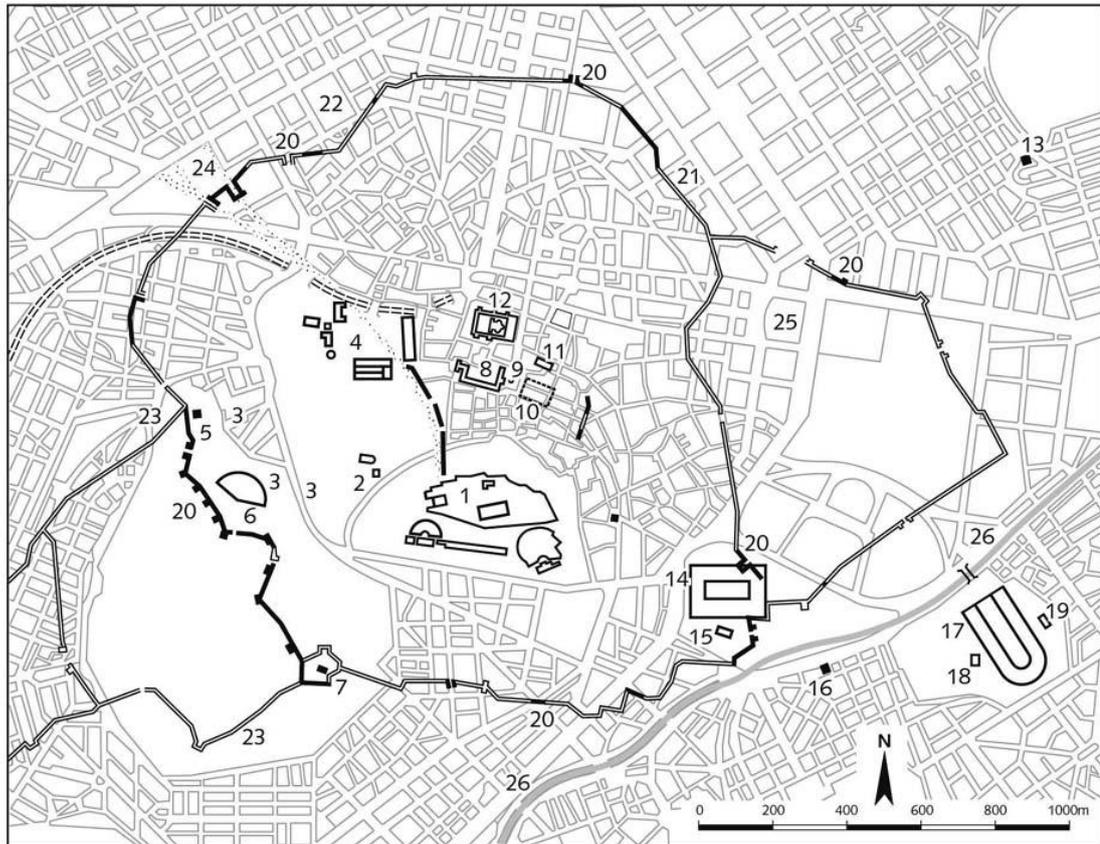
43. *Watts E.* *City and School in Late Antique Athens and Alexandria.* – Berkeley-Los Angeles-London, 2006. – 302 p.

44. *Watts E.* *Student Travel to Intellectual Centers: What was the Attraction?* // *L. Ellis, F.L. Kidner, eds.* *Travel, Communication and Geography in Late Antiquity: Sacred and Profane.* - Aldershot, 2004. - P. 13–24.

45. *Watts E.* *The Late Antique Student's Perspective on Educational Life* // *New England Classical Journal.* 27.2. 2000. - P. 73–78.

46. *Watts E.* *The Student Self in Late Antiquity* // *D. Brakke, M.L. Satlow, S. Weitzman, eds.* *Religion and the Self in Antiquity.* - Bloomington, 2005. - P. 234–251.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Athenai

1. Akropolis (s. Detailplan)	7. Mausoleum des C. Iulius Philopappos	12. Bibliothek des Hadrian	20. Mauerring um Athen
2. Ionischer Amphiprostylos auf dem Areopag	8. Römische Agora	13. Hadrianische Zisterne	21. Klavdmonos-Platz
3. Wohnhäuser am Aeropag und Nymphenhügel	9. Horologion des Andronikos von Kyrrhestos (sog. Turm der Winde)	14. Olympieion	22. Eлевtheria-Platz
4. Agora (s. Detailplan)	10. Bereich des Ptolemaios-Gymnasions, des Theseion und der archaischen Agora	15. Apollon Delphinios-Tempel (?)	23. »Lange Mauern«
5. Heiligtum für den Demos und die Nymphen	11. kaiserzeitlicher Magazinbau	16. Ilissos-Tempel	24. Kerameikos mit Dipylon, Heiligem Tor und Gräberstraßen
6. Volksversammlungstätte (Pnyx)		17. Stadion	25. Syntagma-Platz
		18. Tempel der Tyche	26. Bett des Ilissos
		19. Grab des Herodes Atticus (?)	

Agora

a. Panathenäenweg	g. Stoa Poikile (oder Hermenstoa?)	n. Mittelstoa	s. Odeion des Agrippa
b. Brunnenhaus	h. Zeus-Stoa	o. Attalos-Halle	t. Nymphäum
c. Rundbau (Prytanikon)	i. Bronze-Münzstätte	p. Apollon Patroos-Tempel	u. Bibliothek des Pantainos
d. Altar für die Zwölf Götter	k. Schusterwerkstatt des Simos	q. Monument der Eponymen Phylenheroen	v. Südost-Tempel
e. Bouleuterion mit Heiligtum der Meter	l. Hephaisteion	r. Ares-Tempel	w. Südwest-Tempel
f. Stoa Basileios	m. Südstoa		

Akropolis

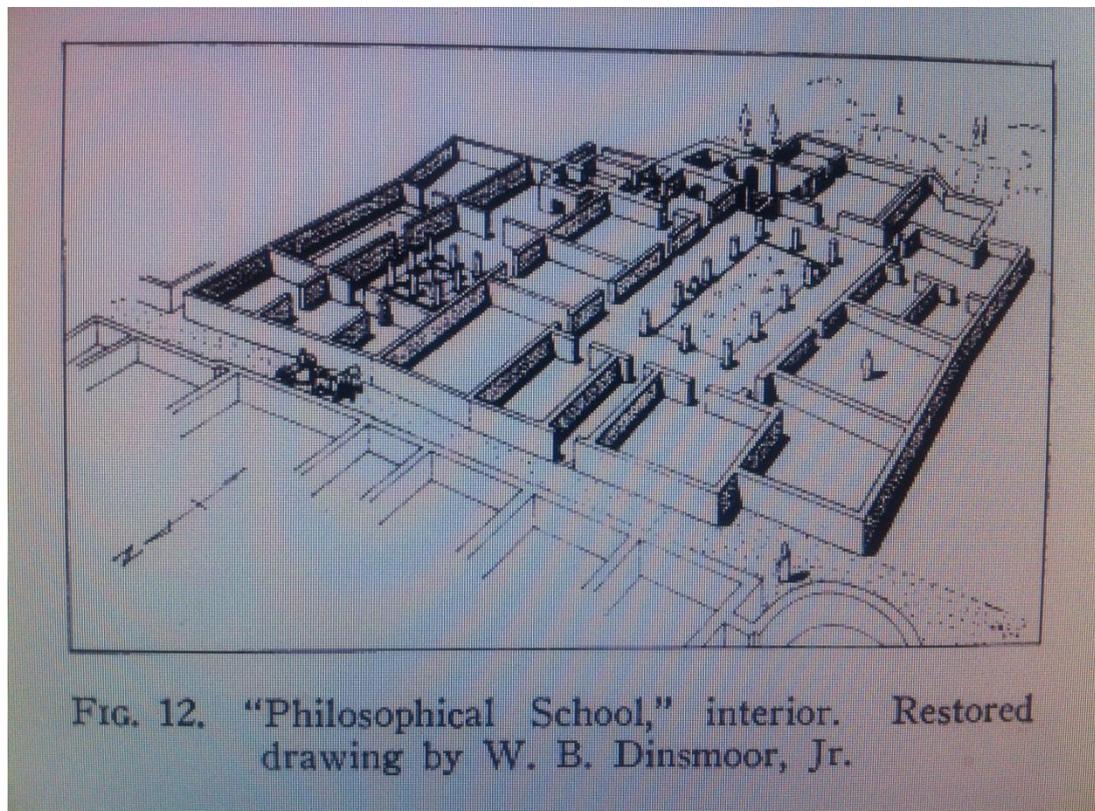
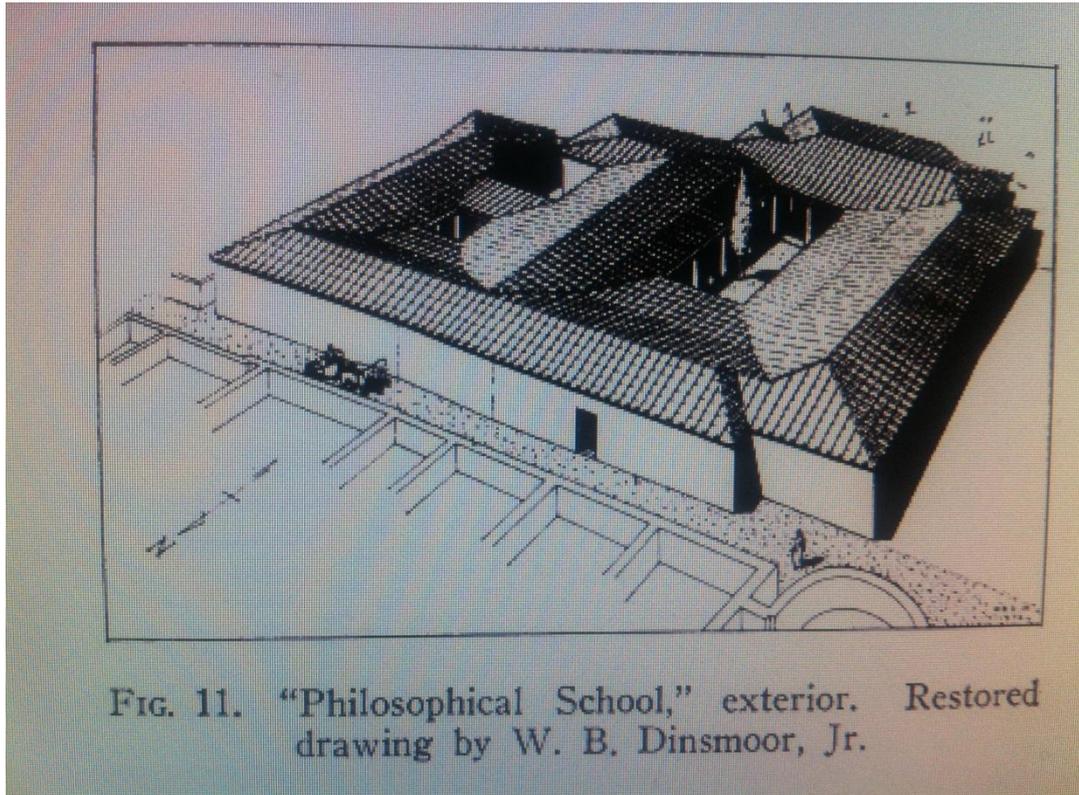
a. Burgmauer	i. Pergamenische Pfeilermonumente	p. sog. Perikles-Odeion	u. Asklepieion
b. Parthenon und Vorgänger	k. Monopteros der Roma und des Augustus	q. Heiligtum des Dionysos Eleuthereus mit Theater und altem sowie neuem Tempel	v. kleine Tempel (u.a. Iseum)
c. Propyläen	l. Brunnenhaus (Klepsydra)	r. Thrasyllos-Monument	w. Bronzewerkstatt
d. Heiligtum der Athena-Nike	m. Heiligtümer für Apollon und Zeus, Pan	s. Nikias-Monument	x. Heiligtum der Aphrodite Pandemos
e. Altar Athena-Tempel	n. Heiligtümer für Aphrodite und Eros	t. Eumenes-Halle	y. Peripatos
f. Erechtheion mit älterem Naikos	o. Heiligtum für Aglauros		z. Herodes Atticus-Odeion
g. Chalkotheke			
h. Artemis Brauronia-Heiligtum			

1. Афиньивпозднеантичноевремя. Покн.: *Kaldellis A. The Christian Parthenon: Classicism and Pilgrimage in Byzantine Athens.* - Cambridge, 2009. – P. 31.

FIG. 5. Acropolis and south slope: A, Theater of Dionysos; B, Temple of Asklepios; C, Location of "Neoplatonic Academy" (air view, 1963).

2. Акрополь Афин с южной стороны. Место локализации Неоплатонической Академии (под литерой С). Покн.: *Karivieri A.* The 'House of Proclus' on the Southern Slope of the Acropolis. A Contribution // *Post-Herulian Athens. Aspects of Live and Culture in Athens, A. D. 267–529.* - Helsinki, 1994. - P. 115–140.

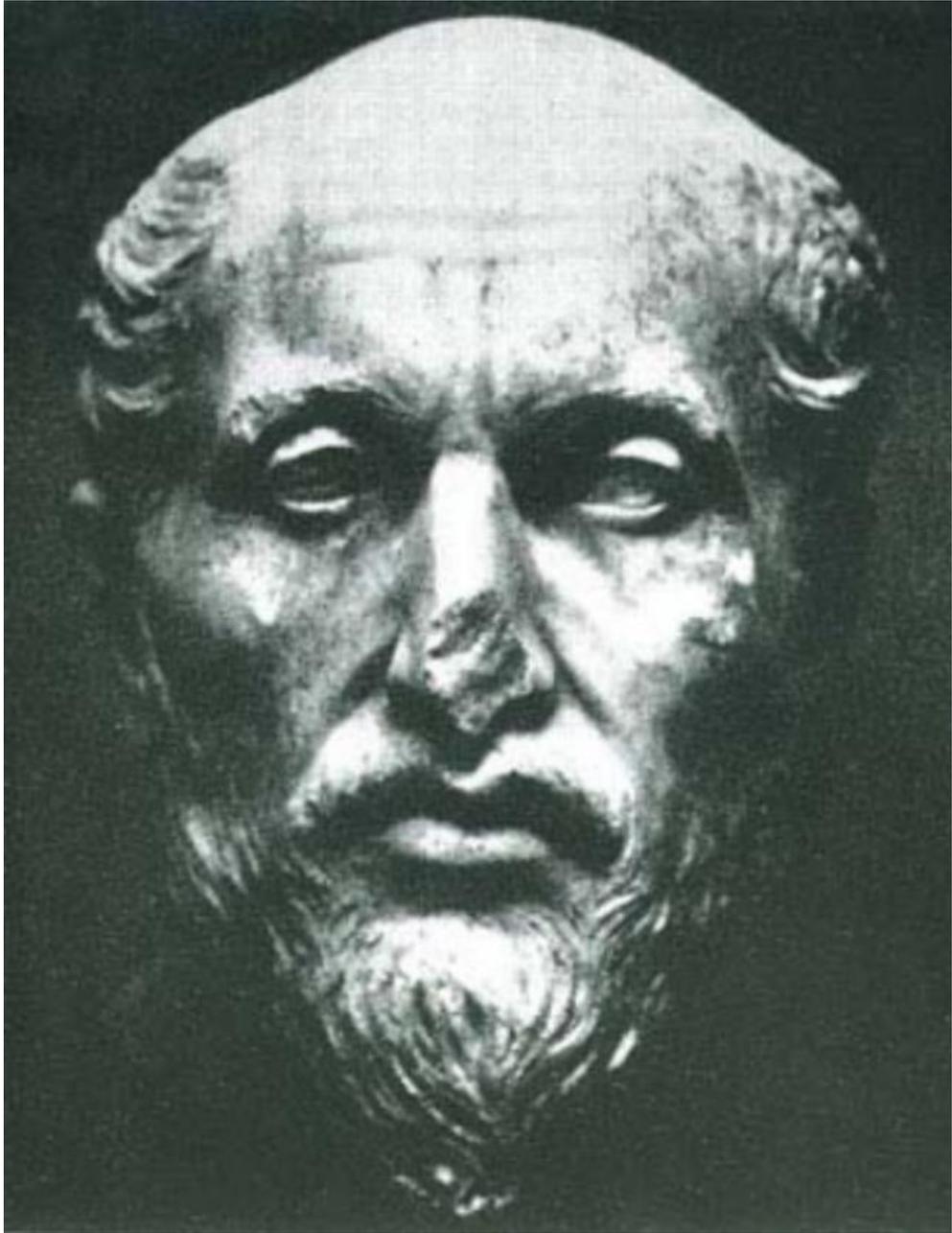

3-4. Внешний и внутренний вид философской школы в Афинах (реконструкция). Поизд.: Afonasin E., Afonasin A. The Houses of Philosophical Schools in Athens // ΣΧΟΛΗ. Vol. 8. 1. 2014. - P. 9-23.

The House of Proclus: the famous 'piglet grave' (after Frantz 1988)

5. «Дом Прокла»: знаменитое «погребение поросенка» (археологическое свидетельство теургических практик в Афинской школе Прокла). Покн.: *Frantz A. The Athenian Agora: Late Antiquity, AD 267–700. - Princeton, 1988.*

6. Прокл. Позднеантичный скульптурный портрет.
<http://neoskosmos.com/news/en/Proclus-lecture-tonight>

7. Сохранившаяся часть скульптурного портрета философа Прокла (вид спереди и вид сбоку). (Этот скульптурный портрет находится в Афинском музее; см. также: Rodenwaldt G. *Griechische Portraits aus dem Ausgang der Antike* // *Programm zum Winckelmannsfeste der Archaeologischen Gesellschaft zu Berlin*. - Berlin, 1919. Автор статьи, однако, воздерживается от точной идентификации бюста, но в классической «Энциклопедии древностей» Паули-Виссоны утверждается, что здесь изображен именно Прокл.)